

91(с16)

В 35

№ 937

Г. А. Вертеповъ.

ВЪ ГОРАХЪ

КАВКАЗА.

ВЛАДИКАВКАЗЪ.

Типографія Терскаго Областнаго Правленія.

1903.

*«Создана на средства гранта
Президента Российской Федерации
для поддержки творческих проектов
общенационального значения в области
культуры и искусства»*

ВЪ ГОРАХЪ КАВКАЗА *).

Съ именемъ Кавказа соединено много древнѣйшихъ преданій азіатскихъ и европейскихъ народовъ; его исторія связана съ исторіей человѣчества, начиная съ эпохи ассирійцевъ и древнихъ персовъ и кончая новѣйшею исторіей Персіи, Турціи и Россіи; въ его предѣлахъ живетъ много различныхъ племенъ, совершенно отличныхъ по языку, типу и культурѣ. Поэтому научное изученіе Кавказа, его археологіи, исторіи и этнографіи давно уже привлекало къ себѣ вниманіе ученыхъ и уже дало богатые результаты для различныхъ областей исторіи и языковеденія.

Изученіе Кавказа начали европейскіе ученые. Еще въ XVIII и началѣ XIX столѣтія Кавказскій край былъ предметомъ изслѣдованій Палласа, Гмелина, Гюльденштедта, Клапрота и др., большей частью по порученію Императорской С.-Петербургской академіи наукъ. Путешественники иностранцы: Дюбуа де Монперэ, Оммеръ, Гамба, Кохъ, М. Вагнеръ, Фавръ, Абихъ и др. занимались Кавказомъ въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, что касается историко-археологическаго, лингвистическаго и этнографическаго изученія, то всѣ вышеупомянутыя изслѣдованія были скорѣе развѣдками, намѣчавшими вопросы и задачи для дальнѣйшихъ изысканій. Лишь съ тѣхъ поръ, какъ замиреніе Кавказа сдѣлало его болѣе доступнымъ изученію, и когда за это изученіе принялись мѣстные дѣятели изъ русскихъ или изъ поселившихся въ край иностранцевъ, стала возможна болѣе обстоятельная и систематическая разработка научнаго матеріала, представляемаго этимъ краемъ.

Что касается спеціально археологіи края, то починъ въ

*) Изъ публичныхъ лекцій Г. А. Вертепова.

ея научномъ изученіи принадлежитъ генералу Вартоломею (относительно нумизматики), Д. З. Бакрадзе (относительно церковной археологіи), Ф. Байерну и Г. Д. Филимонову (относительно доисторическихъ древностей).

Новое оживленіе было внесено въ разработку кавказской археологіи графомъ А. С. Уваровымъ по случаю бывшаго въ Тифлисъ въ 1881 году V археологическаго съѣзда. Избранный председателемъ подготовительнаго комитета съѣзда, графъ Уваровъ вступилъ въ сношеніе со многими дѣятелями какъ въ Европейской Россіи, такъ и на Кавказѣ, организовалъ цѣлый рядъ систематическихъ раскопокъ въ различныхъ мѣстностяхъ Кавказскаго края, предпринялъ лично нѣсколько поѣздокъ на Кавказъ, приобрѣлъ значительныя коллекціи древностей и вообще принялъ всѣ мѣры къ успѣшному осуществленію археологическаго съѣзда въ Тифлисъ. На засѣданіяхъ съѣзда было сдѣлано множество сообщеній по различнымъ видамъ кавказскихъ древностей, возбуждено много новыхъ археологическихъ вопросовъ, разъясненіе которыхъ должно было составить задачу будущихъ изслѣдованій.

Императорское Московское археологическое общество, слѣдуя по пути, намѣченному его покойнымъ основателемъ, считало своимъ долгомъ продолжать начатое систематическое изслѣдованіе кавказскихъ древностей. Поставленная такимъ образомъ задача требовала однако затраты средствъ, далеко превышавшихъ имѣвшіяся въ его распоряженіи.

Эти матеріальныя затрудненія, по всей вѣроятности, заставили бы общество отказаться отъ большей части задуманныхъ имъ предпріятій, если бы Его Величеству Государю Императору Александру III не было благоугодно осчастливить общество дарованіемъ 25000 руб. на изученіе древностей Кавказа и восточныхъ губерній и на изданіе результатовъ такого изученія.

Тогда явилась возможность организовать одновременно рядъ экспедицій, по заранѣе намѣченному плану. Экспедиціи, съ профессоромъ Миллеромъ во главѣ, начались лѣтомъ 1886 года и продолжались въ лѣтнія каникулы слѣдующихъ двухъ годовъ.

Результатомъ произведенныхъ изслѣдованій появились изданные въ 1888 г. «Матеріалы по археологіи Кавказа», въ

которыхъ сдѣлано первое подробное описаніе историческихъ памятниковъ Кавказа съ научнымъ объясненіемъ ихъ.

Одновременно съ организаціей историческаго изученія Кавказа, начались и географическія изслѣдованія его, предпринятія Кавказскимъ отдѣленіемъ Императорскаго географическаго общества. Въ этихъ работахъ приняли живое участіе мѣстные дѣятели, среди которыхъ есть люди, близко знакомые съ краемъ. Изучаются до мельчайшихъ подробностей ледники, флора и фауна альпійской полосы, минеральныя богатства и, наконецъ, народный бытъ горцевъ, многія стороны котораго представляютъ глубокой научный и общественный интересъ и проливаютъ свѣтъ въ тѣ тайники исторіи человѣческой культуры, которые до самаго послѣдняго времени оставались не разъясненными. Въ этомъ отношеніи большое значеніе имѣетъ книга проф. Ковалевскаго «Законъ и обычай на Кавказѣ», а также работа В. Далгата «Первобытная религія чеченцевъ». Этими работами, а также записками Головинскаго, Семенова, Попова, Грабовскаго, Максимова и др. я буду пользоваться въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Не претендуя охватить все наиболѣе существенное, что можно было бы сказать о Кавказскихъ горахъ и ихъ обитателяхъ, я остановлю вниманіе лишь на выдающихся явленіяхъ природы и наиболѣе интересныхъ историческихъ памятникахъ горной Чечни и горной Осетіи, которыя я посѣтилъ вмѣстѣ съ фотографомъ Л. И. Рогозинскимъ съ цѣлью составить коллекцію фотографій и собрать что можно для возникающаго въ г. Владикавказѣ музея. Сдѣланные г. Рогозинскимъ снимки будутъ иллюстрировать здѣсь мое сообщеніе.

I. Въ горной Чечнѣ.

Подъ именемъ горной Чечни извѣстна мѣстность, лежащая между р. Терекомъ—съ одной стороны и р. Сулакомъ—съ другой; южною границей этой мѣстности служитъ Снѣговой хребетъ, а сѣверною — Черныя горы. Мѣстность эта населена горными обществами чеченскаго племени. Въ этой именно мѣстности сосредоточены важнѣйшіе историческіе памятники Чечни.

Все горное пространство наполнено отрогами Передового

(Снѣгового) хребта, вершиною котораго является Казбекъ, и Скалистыми или Пестрыми горами, въ цѣпи которыхъ стоитъ красавица Столовая гора. Всѣ эти отроги и горы перерѣзаны многочисленными рѣками, которыя берутъ начало частью въ Главномъ хребтѣ (Асса, Аргунь), частью въ Передовомъ и Скалистомъ (Форганга, Геха, Гойта).

Выѣхавъ изъ Владикавказа, мы обогнули Столовую гору и подвигались между Снѣговымъ и Скалистымъ хребтами прямо на востокъ, дѣлая по мѣрѣ надобности экскурсіи въ сторону, главнымъ образомъ, Снѣгового хребта, добираясь до его ледниковъ. Такимъ образомъ, мы прошли черезъ селеніе Фортанухъ, Фалханъ, Арзи, Картъ, Хайрахъ, Вовнушки, Цори, Акки, Тусхорой, сдѣлали по пути экскурсію въ ущелье Шанчочъ, что тянется отъ селенія Арзи къ Главному хребту, вышли на Евдокимовское укрѣпленіе и оттуда, по теченію р. Аргуна, спустились въ Грозный и затѣмъ вновь поднялись черезъ Эрсеной и Ведено къ знаменитому горному озеру Эйзенъ Амъ.

Во время войны съ кавказскими горцами, русскія войска разработали дорогу, протяженіемъ около 100 верстъ, отъ Терека до Ассы по склонамъ Скалистаго хребта. Но съ тѣхъ поръ, какъ надобность въ этой дорогѣ для военныхъ цѣлей миновала и она осталась на попеченіи жителей, она ни разу не ремонтировалась. Испорченная обвалами и размытая водою, дорога эта съ теченіемъ времени была совершенно заброшена и теперь слѣды ея можно видѣть только около Столовой горы, да на спускѣ въ долину р. Ассы; во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ нашего пути, начиная отъ береговъ Терека и вплоть до Евдокимовскаго укрѣпленія на р. Аргунѣ, мы двигались по узкимъ, едва замѣтнымъ тропинкамъ, которыя выются по крутымъ откосамъ, то взбираясь на высокія скалы, наваленныя надъ бездонными пропастями, то спускаясь въ глубокіе овраги къ берегамъ бѣшеныхъ ручьевъ, усѣянныхъ крохотными, едва замѣтными мельницами, скорѣе похожими на груды свалившихся сверху камней, чѣмъ на постройки. Сообщеніе по такимъ тропинкамъ возможно только пѣшкомъ и отчасти верхомъ на мѣстной горной лошади, которая съ изумительнымъ искусствомъ пользуется всякимъ выступомъ, всякою трещиной, чтобы, цѣпляясь за нихъ, взбираться на скалы. Такія названія, какъ «Ахкбачъ», т. е. въ переводѣ «Головоломная щель» свидѣтельствуютъ, что ни вѣковая привычка, ни ловкость и про-

ворство горцевъ не спасаютъ ихъ отъ гибели при переходахъ по этимъ поистинѣ головокружительнымъ тропинкамъ.

Намъ пришлось въ ущельѣ Шанчочъ спускаться, а загѣмъ и подниматься по тропѣ, которую горцы называютъ «Головоломною щелью», а иные—«Чертовой тропой». По отвѣсной скалѣ высотой до 15 сажень скользитъ водопадъ, параллельно которому въ углубленіи лежитъ узкая тропинка. Мы съ трепетомъ спускались и поднимались по этой проклятой щели; лошади, не смотря на свою привычку и опытность, тревожно фыркали и обнюхивали каждое мѣстечко, куда поставить копыто.

Интересное употребленіе сдѣлали ингуши изъ этого спуска. Ущелье Шанчочъ открываетъ короткій путь изъ ихъ ауловъ въ Тіонетскій уѣздъ, притомъ путь глухой, еле доступный, т. е. обладающій всѣми удобствами для прогона краденаго скота. Рассказываютъ, что одинъ изъ жителей сел. Шанъ, въ пользованіи котораго находится ущелье, каждое лѣто устраивалъ на этомъ мѣстѣ свое временное жилище подъ скалой за каменнымъ выступомъ, вооружался и со всѣхъ прогоняющихъ ворованный скотъ взималъ плату за пропускъ: 1 р. за лошадь и 50 к. за голову рогатаго скота. Это мѣсто дѣйствительно едва доступное, и одному хорошо вооруженному человѣку въ своей оригинальной крѣпости, на скалѣ, легко было справиться съ цѣлою шайкой, если бы она попыталась пробить себѣ дорогу силой. И воры мирились съ наложенною на нихъ пошлиной. Говорятъ, изобрѣтательный ингушъ собиралъ отъ 30 до 40 р. въ лѣто. Умеревъ, онъ передалъ свои права дѣтямъ по наслѣдству, и собираніе этой оригинальной дани оставлено, какъ говорятъ, только лѣтъ 10—15 тому назадъ.

— Какъ же прогоняютъ воровской скотъ по такой тропѣ? —спрашивали мы. Вѣдь непривычное животное сорвется и погибнетъ.

— Такъ что же? Все равно не купленное. А какое ни будь и уцѣлѣетъ.

Но большая часть пути лежитъ въ глубокихъ оврагахъ, гдѣ тропинки тянутся по берегамъ шумныхъ и быстрыхъ ручьевъ; на каждомъ шагу нужно переходить съ одного берега на другой иногда въ бродъ, чаще по висячимъ мостамъ. Мосты эти весьма неприхотливы: три дерева, еле очищенные отъ вѣтвей, перекидываются съ берега на берегъ и висятъ надъ

водой безъ всякой скрѣпы между собою. Приваливъ концы камнями и наложивъ поверхъ деревьевъ шиферныя плиты, горцы совершенно удовлетворяются такими сообщеніями. Подъ вашими ногами плиты трещать, ломаются и качаются во всѣ стороны; ручей забрасываетъ на нихъ брызги воды, ноги скользятъ. Нужно имѣть достаточно мужества, чтобы рѣшиться на переходъ по такимъ мостамъ, но горцы лишь въ рѣдкихъ случаяхъ засыпаютъ плиты землей или закладываютъ щели между ними дерномъ; это дѣлается только въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, гдѣ бывали несчастные случаи. Обыкновенно же каждый прохожій и проѣзжій самъ ремонтируетъ для себя мостъ, если онъ кажется ему неблагонадежнымъ; пройдетъ одинъ, раздавить ногою плиту, или совсѣмъ свалить ее съ моста, слѣдующій за нимъ предварительно отыскиваетъ новую плиту, закладываетъ образовавшееся отверстіе и тогда уже совершаетъ переходъ. Если прибавить къ этому, что весь зыбкій мостъ дрожитъ подъ ногами, горные ручьи обдаютъ васъ брызгами и грозно рокочутъ въ загромажденной камнями тѣсинѣ, то вамъ станетъ вполне понятна вся прелесть путешествія по такимъ мостамъ. Насъ обыкновенно приглашали слѣзать съ лошадей и переводить ихъ въ поводу; но горская лошадь такъ умна и опытна, а мосты встрѣчаются такъ часто, что слѣзать не хочется. Лошадь, поставивъ ногу на первую плиту, осторожно ощупываетъ и обнюхиваетъ ее; если плита лежитъ твердо, лошадь наступитъ; но если она качается, лошадь поставитъ ногу въ другое мѣсто. Это умное животное на каждомъ шагу приводитъ васъ въ восторгъ своею смѣтливостью, и вами начинается овладѣвать желаніе нарочно искать опасности, чтобы испытать удовольствіе побѣды надъ нею.

Описанные мосты существуютъ, конечно, до перваго половодья, во время котораго ихъ сноситъ; когда воды спадутъ, горцы устраиваютъ новые мосты. Въ дальнихъ горахъ иногда сама природа приходитъ на помощь и строитъ сама естественные мосты, которые гораздо прочнѣе жалкихъ человѣческихъ сооружений. Въ ущельѣ Шанчочъ съ горы Барчохъ спустился ледникъ, оконечность котораго перекинулась черезъ рѣчку; она входитъ подъ ледникъ, а на другой сторонѣ выходитъ изъ подъ него. Барчохскій ледяной мостъ вѣчный; къ концу лѣта онъ немного оттаиваетъ, но зимою возобновляется вновь. Мы были у Барчоха 8-го августа и мостъ былъ настолько крѣпокъ, что

черезъ него свободно перегоняли стада коровъ. Въ ширину этотъ мостъ 52 аршина, разстояніе между берегами рѣчки 18 аршинъ. Ледяная арка надъ водой очень красива.

При такихъ путяхъ сообщенія никакая промышленность невозможна, за исключеніемъ скотоводства. Горцы сѣютъ ничтожныя количества ячменя около самыхъ ауловъ, гдѣ легко убрать и перенести хлѣбъ на рукахъ во дворъ. Скотъ пасется на поляхъ и домой никогда не пригоняется; тамъ для него косятъ сѣно и оставляютъ на мѣстѣ для зимняго продовольствія. Доставляется въ аулъ только сѣно для лошадей, да дрова для очага. То и другое связывается въ вязанки и навьючивается на катровъ и ишаковъ, которые только и могутъ проходить по описаннымъ тропинкамъ съ болѣе или менѣе тяжелою ношей. Но горные чеченцы очень бѣдны, вьючнаго скота у нихъ мало и роль его исполняютъ обыкновенно женщины, которыя также терпѣливы и выносливы, какъ этотъ скотъ. Вспоминая теперь свои встрѣчи съ женщинами въ горахъ, я видѣлъ ихъ гораздо чаще въ роли измученныхъ подъ тяжестью вьюка ишаковъ, чѣмъ въ роли обольстительныхъ царицъ кавказской природы, какъ онѣ рисовались мнѣ въ воображеніи подъ вліяніемъ чудныхъ поэмъ Лермонтова.

Если у васъ достанетъ мужества побороть головокруженіе на переходахъ по висящимъ надъ бездной тропинкамъ и по зыбкимъ мостамъ черезъ бурныя рѣчки, вы на каждомъ шагѣ будете созерцать дивную природу. Вода, скалы, сначала свѣжая зелень лиственныхъ лѣсовъ, а за ними стройныя сосны, кудрявыя березки, яркіе ковры альпійскихъ пастбищъ, снова скалы, а выше серебристая цѣпь снѣговыхъ вершинъ и наконецъ голубое прозрачное небо... Что ни шагъ, то новая картина, одна лучше другой. Зайдешь въ ущелье, гдѣ оно раздвигается шире, и не хочется дальше идти. Впереди не видно пути, позади скалы также сомкнуты—и кажется, нѣтъ никуда выхода. Внизу шумитъ ручей, вверху небольшой клочекъ голубого неба, а кругомъ горы, величественныя, угрюмыя. Оторвется камешекъ, покатится, застучитъ, и эхо конечно повторяетъ стукъ замирающими звуками, будто перекликаются горные духи. Отовсюду вѣетъ тѣмъ смутнымъ безпредметнымъ страхомъ, который вы переживали въ дѣтствѣ. Суевѣрное воображеніе чеченцевъ населило горныя лѣса духами, которыхъ они называютъ *алмасами*. По представле-

нію чеченцевъ, алмазы бываютъ мужскаго и женскаго пола. Мужчины покрыты волосами, страшнаго вида, свирѣпы и коварны; на груди у нихъ находится острый топоръ. Лѣсныя женщины отличаются необыкновенной красотой; роскошные волосы ихъ доходятъ до самыхъ пятокъ и имѣютъ золотистый цвѣтъ. Однако по характеру онѣ также злы, коварны и опасны, какъ и лѣсные мужчины. Шатоевскіе чеченцы представляютъ лѣсныхъ женщинъ страшными созданіями огромнаго роста, съ огромными грудями, перекинутыми черезъ плечи за спину, и съ длинною, до земли, густою рыжею косою. Любимое ихъ занятіе—пляска; закинувъ груди на спину, поднявъ руки вверхъ, онѣ пляшутъ при лунномъ свѣтѣ.

Въ ущельѣ Тхабачочъ, въ Цоринскомъ обществѣ, есть водопадъ Амте. Его не видно съ дороги; тропа поднимается надъ нимъ на страшную высоту, онъ шумитъ и грохочетъ далеко внизу, потрясая скалами. Горцы очень любятъ воду и цѣнятъ чистоту ея. Они не пьютъ изъ рѣкъ, протекающихъ мимо ауловъ, а берутъ воду изъ родниковъ или вытекающихъ изъ нихъ чистыхъ ручейковъ, иногда за 1—2 версты отъ аула. Такіе роднички тщательно обдѣлываются въ камни и оберегаются отъ засоренія. Около нихъ правовѣрные совершаютъ намазъ въ каноническіе часы дня, и потому около родниковъ вы часто встрѣтите врытый въ землю сучковатый столбъ, чтобы путникъ могъ слѣзть съ лошади, привязать ее и помолиться. Очень часто тутъ-же вы найдете ковшъ для общаго употребленія и корытце, изъ котораго путники поятъ лошадей. Въ зависимости отъ такой любви къ водѣ, сложилось и представленіе чеченцевъ о водяномъ духѣ. Это не страшный бородатый дѣдъ русской мифологіи, это—прекрасная *Хинана*, т. е. *мать воды**), такая же прекрасная, какъ наши русалки, но добрѣе ихъ. По представленію чеченцевъ, Хинана обитаетъ въ журчащихъ горныхъ ручейкахъ. Про нее рассказываютъ, что разъ какъ-то она погналась за охотниками; но одинъ изъ нихъ, въ борьбѣ съ нею, успѣлъ ее изнасиловать, и она, какъ нечистая, не могла болѣе преслѣдовать ихъ и возвратилась къ себѣ въ воду. Хинана сопутствуетъ людямъ и предупреждаетъ ихъ о бѣдствіяхъ. Являясь въ обществѣ, которое должно постигнуть несчастіе, она горько пла-

*) *Хи*—вода, *нана*—мать.

четь и тоскливо поетъ пѣсни, похожія на причитавія надъ умершими. Чеченцы рассказываютъ, что за четыре мѣсяца до взятія русскими одного аула въ 1851 году, Хинана явилась въ этотъ аулъ и предсказала его паденіе.

При громадномъ обилии рѣкъ и ручьевъ, наши горы бѣдны озерами. Во время своей экскурсіи мы задались цѣлью посѣтить всѣ озера Чечни. Въ ущельѣ Шавчочъ мы нашли небольшое озерко *Синеамъ* (т. е. Голубое озеро), которому ингуши приписываютъ цѣлебныя свойства противъ сыпей; но это озерко по своимъ размѣрамъ не больше хорошей лужи. Но черезъ три дня пути мы прибыли къ чудному горному озеру Геланчоджъ. Оно находится въ Аккинскомъ обществѣ Грозненскаго округа, на живописной, цвѣтущей зеленыю горѣ, на правомъ берегу р. Гехи, въ самомъ верховьи ея. Вправо по берегу озера растутъ деревья, насаженные, по преданію, монахами миссіонерскаго христіанскаго монастыря; по ту сторону озера на холмѣ возвышается башня ближайшаго аула, а дальше, въ туманной мглѣ тонуть едва замѣтныя очертанія Скалистаго хребта, за которымъ мысленно представляешь Владикавказъ и жалѣешь, что нѣтъ здѣсь родныхъ и знакомыхъ, что они не видятъ этого чуднаго озера. Поэтическій миѳъ о возникновеніи озера Геланчоджъ записанъ В. Миллеромъ. Близъ аула Ялхарой, говоритъ преданіе, въ мѣстѣ, называемомъ Амка, было прежде озеро. Однажды мать съ дочерью отправились на берегъ его и по неразумію стали мыть грязныя пеленки въ его хрустальной водѣ. Разгнѣванный духъ озера обратилъ за это обѣихъ женщинъ въ камни, которые и теперь еще виднѣются у Амка. Но и озеро не хотѣло оставаться въ оскверненномъ ложѣ. Оно обратилось въ чуднаго рослаго быка, который перешелъ скалистый кряжъ, оставивъ слѣдъ въ видѣ громадной выемки, и спустился внизъ почти съ отвѣсной высоты. Затѣмъ быкъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ теперь лежитъ озеро и гдѣ прежде были расположены пахатныя участки. Мѣстные жители запрягли его въ плугъ. Когда онъ велъ первую борозду, въ ней выступила грязь; при второй—стало еще мокрѣе; при третьей—изъ земли выступила вода; при четвертой бороздѣ—вода хлынула стремительно, затопила поле и всѣхъ людей. Быкъ исчезъ въ волнахъ озера. Съ тѣхъ поръ появившееся внезапно озеро внушаетъ суевѣрный страхъ туземцамъ: они считаютъ его

бездоннымъ и не пьютъ его воду. Въ этой легендѣ ясно обрисовывается уваженіе чеченцевъ къ чистотѣ воды.

Мы торопились дальше и сѣли на лошадей, которымъ не хотѣлось разставаться съ густою сочною травой на берегахъ озера Геланчоджъ.

Поднявшись на высокій безлѣсный хребетъ, мы тронулись вдоль его по дорогѣ, сохранившей слѣды разработки. Надвинулся сырой туманъ, потомъ заморосилъ дождь, поднялся холодный пронизывающій вѣтеръ. Скучно ѣхать въ такую пору: кругомъ ничего не видно, даже проводника въ 10—15 шагахъ впереди, котораго то и дѣло заволакиваетъ мглой. Мы жаждемъ добраться до жилья, но его все нѣтъ и нѣтъ, а время тянется такъ медленно. Вотъ вѣтромъ нанесло запахъ навоза. «Жилы!» — мелькаетъ въ головѣ радостная мысль. Нѣтъ, это стойло барановъ, которыхъ огромныя стада пасутся на покрывающихъ хребетъ тучвыхъ альпійскихъ пастбищахъ. Проходитъ часовъ 5, показавшіеся намъ вѣчностью. Наконецъ, начало проясняться, а затѣмъ и совсѣмъ очистилось. Тропинка повернула влѣво, и мы двинулись внизъ по такому крутому спуску, какой только горная лошадь и можетъ выдержать. Глазъ не ищетъ уже картинъ; усталые члены жаждутъ покоя. Вотъ показались сѣрыя стѣны селенія.

— Что это?

— Тусхорой.

Смотримъ на карту. Какой большой переѣздъ! Вправо и влѣво отъ хребта было множество селеній, но мы ѣхали напрямикомъ. Это хорошо, теперь недалеко до Евдокимовскаго. Переменяемъ лошадей, и часа черезъ 3 мы въ Евдокимовскомъ, у гостепріимнаго пристава, за покрытымъ бѣлою скатертью столомъ, на которомъ весело шумитъ самоваръ.

Укрѣпленіе Евдокимовское стоитъ въ одномъ изъ живописнѣйшихъ ущелій Кавказа — Аргунскомъ. Кто былъ тамъ разъ, того обыкновенно тянетъ туда снова. Въ этомъ ущельѣ можно видѣть выходы теплыхъ сѣрныхъ ключей, чрезвычайно интересныхъ. Богатство сѣрной руды привлекло уже туда горнопромышленниковъ, построившихъ заводъ для выплавки сѣры. Ее добывалъ и Шамиль для выдѣлки пороха. Въ этомъ же ущельѣ вы можете посмотрѣть на интересную гору съ песчаниковыми бомбами: въ высокой, нависшей надъ дорогой сѣрой скалѣ вкраплены глыбы краснаго песчаника, большею

частью сферической формы. Они легко выламываются из скалы и действительно напоминают бомбы. Явление это имѣетъ свое геологическое объясненіе, но чеченцы рассказываютъ о бомбахъ множество легендъ, впрочемъ, мало интересныхъ и еще менѣе правдоподобныхъ. Тутъ же въ окрестностяхъ ущелья есть нефтяные выходы, залежи каменнаго угля, желѣзная и ртутная руды и, конечно, мѣдные колчеданы и серебро-свинцовыя руды, которыя встрѣчаются повсемѣстно въ нашихъ горахъ.

Необходимо упомянуть еще объ одномъ интересномъ уголкѣ въ Чечнѣ: это—озеро Эйзенъ-Амъ или Кезеной-Амъ. Оно лежитъ верстахъ въ тридцати отъ Ведено по дорогѣ на Ботлихъ, недалеко отъ дагестанской границы, на высотѣ около 6000 футъ надъ уровнемъ моря. Эйзенъ-Амъ самое большое и самое красивое изъ кавказскихъ озеръ и потому привлекаетъ много туристовъ. Заключенное въ тѣсной рамкѣ обнаженныхъ возвышенностей, съ неподвижною, всегда зеркальною поверхностью своей зеленой какъ изумрудъ воды, оно манитъ къ себѣ таинственною силой; при видѣ его нервные люди испытываютъ суетвѣрный страхъ. Вѣроятно, поэтому о происхожденіи его существуетъ слѣдующая народная легенда, нѣсколько напоминающая ветхозавѣтное сказаніе о происхожденіи Мертваго моря. Давно-давно на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь озеро Эйзенъ-Амъ, стоялъ аулъ Кезеной, жители котораго отличались распущенностью. Однажды вечеромъ чрезъ аулъ проходилъ странникъ; онъ ходилъ по улицамъ отъ сакли къ саклѣ и стучался въ окна, просясь на ночлегъ, но его никто не впускалъ. Наконецъ, на самомъ краю аула его впустила ночевать бѣдная вдова и раздѣлила съ нимъ свой скромный ужинъ. Утромъ странникъ сказалъ вдовѣ: «Пойдемъ со мной изъ этого аула, Богъ хочетъ наказать нечестивыхъ жителей». Когда они дошли до того мѣста, гдѣ теперь стоитъ аулъ Хой, вдова оглянулась и уже не видѣла своего роднаго аула; онъ провалился, и на мѣстѣ его стояло неподвижное зеленое озеро.

Нѣкоторые ученые также склоняются къ предположенію, что Эйзенъ-Амъ провальнаго происхожденія; но существуетъ и другое объясненіе, по которому Эйзенъ-Амъ образовалось вслѣдствіе того, что упавшій съ горъ огромный оползень загромождалъ ущелье земляною плотиною и прекратилъ выходъ изъ него водѣ, которая вливается въ ущелье выше плотины

изъ родниковъ Керкетскаго перевала. Подобные оползни въ горахъ случаются очень часто, и всего за нѣсколько дней до нашего проѣзда въ Аргунскомъ ущельѣ, около сел. Мускале, сползла цѣлая половина горы не только съ растущимъ на ней лѣсомъ, но даже со скалами, оторвавъ ихъ отъ матери-горы. Еще болѣе грандіозный оползень случился противъ самой слободы Шатой; тутъ передвинулось огромное пространство земли съ лѣсомъ, пашнями и даже постройками.

Въ Эйзенъ-Амѣ масса фореи, которая едва-ли могла бы жить въ водѣ, выступившей изъ провала; а зеленоватый цвѣтъ воды легко можно объяснить примѣсью сѣрводорода изъ минеральныхъ ключей.

Такова природа горной Чечни. Въ дѣйствительности она неизмѣримо величественнѣе и интереснѣе, чѣмъ можно представить по описанію. Теперь перейду къ жителямъ и историческимъ памятникамъ Чечни.

Живутъ горные чеченцы небольшими аулами, иногда въ 2—3 двора. Жилища ихъ сложены изъ камней, часто безъ всякаго цемента, на оконечностяхъ высокихъ гребней и на выступахъ скалъ. Въ большинствѣ ауловъ вы увидите высокія пирамидальныя башни, стройно возвышающіяся одна надъ другою и придающія ауламъ своеобразный видъ крѣпостей отдаленныхъ временъ.

Сѣрья, мрачныя, онѣ стоятъ памятниками на могилахъ безвозвратно погибшей эпохи.

Живутъ горные чеченцы обыкновенно по нѣсколько семей въ одномъ жилищѣ. Каждая семья имѣетъ особое помѣщеніе. У зажиточныхъ помѣщеніе для одной семьи состоитъ изъ двухъ комнатъ—жилой и «кунацкой», т. е. гостиной. Входя со двора или, вѣрнѣе, съ улицы, такъ какъ жилища рѣдко бываютъ обнесены дворомъ,—вы попадаете въ совершенно темный корридоръ. Только постоявъ и освоившись съ темнотою, вы замѣтите, что откуда-то проникаетъ тусклый, едва мерцающій свѣтъ—это окошечко, продѣланное далеко отъ входа, иногда за однимъ или двумя поворотами кривого корридора, который притомъ-же идетъ вверхъ по косогору. Спотыкаясь и ощупывая руками и ногами путь, вы наконецъ добываетесь до покосившейся двери, сколоченной изъ толстыхъ, грубо отесанныхъ досокъ. Если хозяинъ не принадлежитъ къ числу зажиточныхъ, то за этою дверью вы найдете только одну жилую комнату.

Тусклый свѣтъ едва проникаетъ сквозь грязныя стекла двухъ-трехъ узкихъ окошечекъ и не освѣщаетъ комнаты даже настолько, чтобы безъ помощи огня можно было разсмотрѣть жалкое убранство ея. Грязныя и прокопченныя стѣны, сложенныя изъ едва отесанныхъ камней, стоятъ совершенно голыя; по полу вдоль ихъ тянутся низенькія лавки, заваленныя сложеннымъ въ беспорядкѣ грязнымъ тряпьемъ, среди котораго валяются тощія, полунагія и совершенно нагія дѣти. Тутъ-же около помѣщаются котлы, плетенныя корзины съ мукой и зерномъ, кадки и проч. домашняя утварь. Посрединѣ расположенъ очагъ, къ которому спускается съ потолка желѣзный или деревянный пруть съ крючкомъ для котла. Въ очагѣ зимой и лѣтомъ безпрестанно тлѣютъ дрова и угли. Воздухъ пропитанъ пылью, дымомъ и тяжелымъ жилимъ запахомъ, который трудно выносить свѣжему человѣку. Окружающая нищета производитъ гнетущее впечатлѣніе.

«Кунацкая» нѣсколько опрятнѣе. Здѣсь можно встрѣтить каминъ, кровать съ подушками, по стѣнамъ на колышкахъ развѣшана посуда и одна—двѣ бычачьи шкуры, постилаемые подъ ноги, когда правовѣрные становятся на молитву.

Преобладающій типъ горнаго чеченца таковъ: средняго роста, онъ стройно сложенъ, сухощавъ, съ рѣзкими чертами и быстрыми глазами на блѣдномъ, смугломъ лицѣ; цвѣтъ волосъ по преимуществу черный, носъ орлиный, движенія то ропливы и порывисты. Одѣвается чеченецъ просто, безъ особенныхъ затѣй и излишнихъ украшеній, которыми изобилуютъ костюмы его южныхъ сосѣдей—хевсуръ и грузинъ.

Въ костюмѣ и бѣльѣ чеченцы мало опрятны. Разъ надѣвъ рубаху, они носятъ ее безъ перемѣны, пока она сопрѣетъ на плечахъ; зимніе мѣховыя бешметы, которые носятъ подъ черкесками и безъ черкесокъ, мѣховыя шапки, постельныя принадлежности никогда не провѣтриваются, изобилуютъ грязью и паразитами. Тѣло чеченца нерѣдко бываетъ покрыто струньями, отъ которыхъ на головѣ появляются многочисленныя мелкія и крупныя плѣшины, открывающія безобразныя рубцы на черепѣ.

Горныя чеченки въ общемъ очень красивы: съ тонкими ноздрями, нервными губами и большими черными глазами онѣ красивѣе кабардинокъ, осетинокъ и кумычекъ. Но онѣ также неопрятны въ туалетѣ, какъ мужчины, и самое сви-

сходительное европейское обоняніе не въ состояніи мириться съ ихъ запахомъ.

Одинъ изъ самыхъ старѣйшихъ ауловъ—это Цорц. Онъ стоитъ на водораздѣлѣ между Ассой и Гехой, гдѣ по преданію появились первые родоначальники чеченцевъ. Какіе народы обитали тутъ до чеченцевъ, установить невозможно; но во всякомъ случаѣ сохранившіяся послѣ нихъ башни и другія постройки, сложенные изъ тесаного камня на известковомъ цементѣ, свидѣтельствуютъ, что раньше здѣсь жилъ народъ болѣе культурный. Чеченцы говорятъ, что постройки эти возводилъ народъ *мида*, а галгаевскіе ингуши приписываютъ ихъ неизвѣстному *тиндамъ*, но что это были за народы—неизвѣстно. Встрѣчаются въ Чечнѣ слѣды скифовъ, могилы которыхъ открыты въ Бумутскомъ ущельѣ, а также слѣды арабовъ, перешедшихъ Кавказскій хребетъ въ 722 г. по Р. Х. Невольно также обращаетъ на себя вниманіе слово *гунъ* въ цѣлой массѣ названій ауловъ, горъ, рѣкъ, урочищъ: Гуни, Гуной, Гуень... Изъ этихъ указаній несомнѣнно, что здѣсь оставили слѣды многіе народы, изъ числа которыхъ нельзя исключить *фиренговъ* (европейцевъ) и *желтовъ* (грековъ). Поэтому невозможно допустить, чтобы чеченцы застали здѣсь пустырь.

Теперь является вопросъ, кто были чеченцы, когда и откуда появились они въ предѣлахъ Сѣвернаго Кавказа?

На основаніи филологическихъ розысканій барона Услара, обнаружившаго сходство чеченскаго языка съ лезгинскимъ, чеченское племя причисляютъ къ восточногогорской группѣ средиземныхъ или собственно кавказскихъ народовъ. Полное отсутствіе антропологическихъ изслѣдованій среди чеченцевъ не позволяетъ опредѣлить чистоты типа ихъ. Но на основаніи народныхъ преданій и наружнаго вида отдѣльныхъ фамилій, необходимо допустить, что въ нихъ сказалось, и притомъ въ значительной степени, вліяніе крови грузинской, еврейской и, вѣроятно, фиренческой (т. е. европейской). Это обстоятельство въ значительной мѣрѣ опредѣляетъ, съ одной стороны, мѣста, съ которыхъ появились чеченцы на теперешней своей территоріи, а съ другой—сліяніе ихъ съ остатками тѣхъ народностей, которыя застали они здѣсь.

По одному изъ народныхъ сказаній, предки чеченцевъ вышли изъ Шама или Шемн (Сиріи) и поселились въ мѣстности Нахчи Ванъ (нынѣ Нахичеванскій уѣздъ Эриванской

губ.), а оттуда, через Абхазію, проникли въ Кабарду и тѣснимые габорами (кабардинцами), заняли горную часть своей теперешней территоріи. Другое сказаніе, дополняя первое, называетъ предводителемъ выходцевъ, образовавшихъ дружину, сына шаминскаго хана Нахчуо, по прозванію Турпола (богатырь), но не указываетъ пути, которымъ пробрался онъ къ кабардинцамъ и женился здѣсь. Наконецъ, по третьему сказанію, нѣкій шаминскій выходецъ Али былъ въ Константинополѣ и, нечаянно совершивъ тамъ преступленіе, бѣжалъ на Кавказъ. Здѣсь въ чеченскихъ горахъ онъ засталъ уже три одноплеменные фамиліи—Галгай, Аки и Шато и посредствомъ браковъ породнился съ ними. Одинъ изъ сыновей его Нахчуо приобрѣлъ большое вліяніе и далъ свое имя всему родственному народу. Имя предка Нахчуо сохранилось до сихъ поръ: чеченцы называютъ свою народность словомъ *нохчи* или *нахчоо*, что означаетъ *народъ*.

Такимъ образомъ, о болѣе отдаленной исторіи чеченцевъ и ихъ теперешней территоріи вполне достовѣрнаго ничего или почти ничего неизвѣстно. Съ относительной вѣроятностью можно сказать только слѣдующее. Нынѣшняя чеченская территорія, особенно въ горной своей части, съ давнихъ временъ служила убѣжищемъ для очень многихъ народовъ, которые оставляли здѣсь слѣды своего пребыванія и, вѣроятно, незначительную часть населенія. Затѣмъ, какіе-то пришельцы, принадлежавшіе къ восточно-горской группѣ кавказскихъ племенъ, завладѣли этимъ краемъ при болѣе или менѣе дѣятельномъ участіи кабардинцевъ и слились съ остатками народностей, осѣвшихъ здѣсь раньше. Они принесли съ собою названіе Нахчуо, принадлежавшее, вѣроятно, ихъ предводителю или ихъ предку и сдѣлавшееся общимъ для всего населенія.

Окрѣпши на занятыхъ мѣстахъ, чеченцы начали подвигаться ближе къ плоскости, на плодородныя долины Черныхъ горъ. Здѣсь аулы, построенные ими самими, уже не имѣютъ башенъ. Они жили родовыми общинами, которыя въ случаяхъ необходимости группировались по нѣскольку вмѣстѣ. Ни князей, ни другихъ правителей у нихъ не было; строй жизни былъ чисто демократическій. Однако постепенно право перешло къ силѣ. Чеченцы горько иронизируютъ надъ этимъ въ характерной баснѣ, записанной П. И. Головинскимъ:

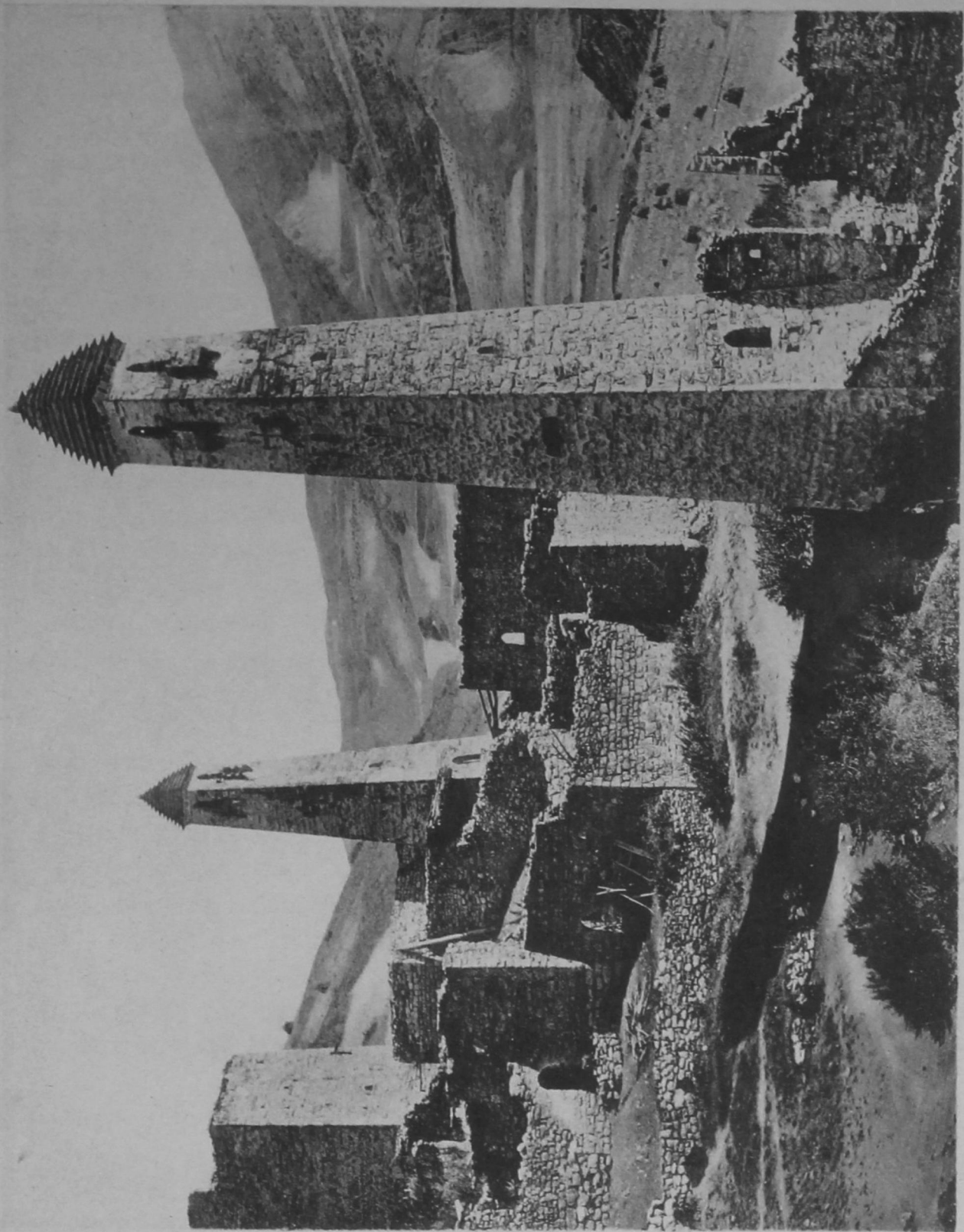
«Когда-то барсъ, волкъ и лиса, отправившись на охоту,

поймали оленя, козу и зайца. Барсъ приказалъ лисицѣ раздѣлить добычу. Лисица говоритъ: «Тебѣ, барсъ, какъ старшему, слѣдуетъ, по всей справедливости, олень; тебѣ, волкъ, принадлежитъ по праву коза, а мнѣ, за мой посильный трудъ,— зайчикъ.» Барсъ зарычалъ: «Вотъ какъ ты дѣлишь? У тебя, я вижу, нѣтъ нисколько толку!» При этомъ барсъ, схвативъ лису, разорвалъ ее пополамъ. Послѣ этого барсъ приказалъ волку раздѣлить добычу. Волкъ говоритъ: «Тебѣ, могучій барсъ, принадлежитъ олень,—пообѣдай на здоровье послѣ трудовъ; коза слѣдуетъ твоей милости на ужинъ, а на утро закуси зайчикомъ». — «Умно, волкъ, умно! сказалъ барсъ.— Скажи мнѣ, волкъ, отъ кого ты набрался такого ума-разума?» Волкъ, указывая на разорванную лисицу, отвѣчалъ: «Ланы твои меня надоумили!»

Къ настоящей статьѣ приложенъ снимокъ съ превосходно сохранившихся башенъ въ селеніи Хани.

Эти массивныя сооруженія, живо напоминающія средне-вѣковыя рыцарскіе замки береговъ Рейна, встрѣчались намъ безпрестанно на всемъ пути до Шатоя. Между этими башнями можно отмѣтить два типа: однѣ имѣютъ плоскую крышу, какъ крыша сакли, обнесенную парапетомъ; другія увѣнчаны пирамидальной крышей, сложенной изъ рядовъ камней, чередующихся съ рядами шиферныхъ плитъ. Къ первому типу принадлежатъ, на примѣръ, двѣ стоящія близко одна отъ другой, отлично сохранившіяся башни, которыя виднѣются на полугорѣ около Шатоевскаго укрѣпленія. Преданіе рассказываетъ, что башни были построены двумя братьями—соперниками въ любви. Старшій женился на дѣвушкѣ, которую также любилъ младшій; затѣмъ, когда старшій выстроилъ для себя башню, то младшій воздвигнулъ такую-же, но нѣсколько выше, такъ что могъ изъ своей башни всегда видѣть, что дѣлается во дворѣ у брата, и любоваться на его красавицу-жену.

Любопытно, что строители башенъ нерѣдко пользовались горными пещерами, къ которымъ прилѣпляли свои постройки на значительной высотѣ. Остатки такой постройки мы видѣли, на примѣръ, верстахъ въ пяти отъ Шатоя, на правомъ берегу Чанты-Аргуна, на отвѣсной стѣнѣ скалы, на высотѣ приблизительно 40 сажень отъ ея основанія. Между естественными углубленіями скалы можно съ трудомъ различить

Древнія башни въ аулѣ Хани.

стѣну, часть башни и слѣды копоты, покрывающей эти углубленія. Къ башнѣ ведетъ карнизомъ узенькая тропинка, по которой на гору нѣтъ возможности пройти. Преданіе рассказываетъ, что въ этой и другихъ башняхъ жилъ въ глубокой древности народъ *джай*, который запиралъ въ пещеры и башни свои семьи, когда угрожала опасность.

Башни, крытыя шиферными пирамидальными крышами, встрѣчаются часто. Онѣ состоятъ изъ двухъ, трехъ и до пяти этажей, высоту до 10 сажень.

Нижнія части башенъ до сихъ поръ обитаемы, верхніе этажи стоятъ пустыми. Башни окружены рядомъ пристроекъ, частью стараго времени, частью болѣе новыми. Въ основаніи онѣ представляютъ квадратъ въ 4 м. внутри стѣнъ.

Верхъ башни покрытъ сводомъ. Кладка свода представляетъ ту особенность, что послѣ каждаго ряда камней положены шиферныя плиты, которыхъ концы сильно выступаютъ, или, лучше сказать, свѣшиваются съ наружной стороны. На верху, въ верхнемъ этажѣ башни, виднѣются узкія окна съ подоконниками, выступающими наружу въ видѣ ящичковъ.

Иногда встрѣчаются башни, построенныя на положительно недоступныхъ скалахъ. Такія башни, вѣроятно, имѣли значеніе сторожевыхъ. Къ нимъ ведутъ тропинки, высѣченныя въ скалѣ, съ перекинутыми черезъ разщелины мостиками, которые легко было снять и, такимъ образомъ, уничтожить всякій доступъ къ башнѣ.

Что касается первоначальныхъ строителей башенъ, то въ народныхъ преданіяхъ по этому вопросу положительно нѣтъ возможности разобраться. Я уже упомянулъ о двухъ преданіяхъ, въ которыхъ несомнѣнно больше вымысла, чѣмъ исторической памяти. Чеченцы говорятъ, что башни строили *джелты*, т. е. греки; но на грековъ, да еще царицу Тамару, горцы обыкновенно ссылаются во всѣхъ неразрѣшенныхъ вопросахъ о древнихъ постройкахъ. Есть основаніе думать, что искусство сооруженія этихъ укрѣпленій было внесено въ горную Чечню грузинами, оказывавшими нѣкогда несомнѣнно культурное вліяніе на чеченцевъ, которые отчасти подчинялись имъ и въ политическомъ отношеніи. Изображеніе крестовъ и плиты съ крестами указываютъ на строителей-христіанъ, которыми все-го скорѣе могли быть грузины. Научившись отъ нихъ, и са-

ми чеченцы могли впослѣдствіи возводить подобныя же сооруженія и поддерживать старыя грузинскія.

Выдающееся мѣсто среди археологическихъ памятниковъ Чечни занимаютъ памятники могильные. Около каждаго горскаго аула, на видномъ мѣстѣ, взору путешественника представляется какъ бы другой аулъ изъ домиковъ меньшаго размѣра; это—мѣстный некрополь. Нѣкоторые могильные памятники такъ массивны и грандіозны, что по размѣрамъ легко могли-бы служить жилищемъ для живыхъ людеѣ. Видно, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ во времена язычества или одичавшаго христіанства культъ мертвыхъ былъ сильно развитъ.

Между *кашами* (такъ вообще называются у чеченцевъ могилы) особенно интересны надземные. Это—каменные домики, покрытые пирамидальной крышей изъ шиферныхъ плитъ. Они бываютъ отъ 2-хъ до 5 метровъ высоты, отъ 2-хъ до 3-хъ метровъ ширины и вмѣщаютъ въ себѣ иногда до полусотни труповъ, положенныхъ туда съ предметами домашней обстановки. Каши большихъ размѣровъ раздѣляются на два и болѣе этажей: одно окно такой величины, что въ него свободно можно пронести покойника, со ставнемъ изъ каменной плиты, ведетъ въ нижній этажъ каша съ южной стороны. Внутри по стѣнамъ усыпальницы тянутся шиферныя нары, на которыхъ лежатъ костяки. Потолокъ нижней камеры выведенъ сводомъ; надъ нею верхняя камера такого же устройства, въ которую даетъ доступъ окно, продѣланное въ сѣверной стѣнѣ каша. Нерѣдко полки по стѣнамъ идутъ въ два ряда, а иногда трупы нагромождены кучею до самаго потолка гробницы. Крыша каша представляетъ пирамиду, причемъ пластъ шиферныхъ плитъ чередуется съ пластомъ камней. На гребнѣ крыши помѣщается коническая шишка. Вся постройка выведена чрезвычайно прочно на глинѣ или извести и снаружи выбѣлена.

Въ такихъ погребальныхъ домахъ трупы клались въ обычной одеждѣ и съ разными предметами, необходимыми покойнику въ загробной жизни, согласно съ существовавшимъ вѣрованіемъ. Такимъ образомъ каши представляютъ какъ бы археологическія коллекціи, изъ которыхъ можно извлекать предметы домашняго быта отдаленныхъ временъ. Судя по присутствію стрѣлъ и луковъ, время построенія кашей должно быть отнесено къ тому періоду, когда огнестрѣльное оружіе еще не было въ повсемѣстномъ употребленіи въ Чечнѣ, т. е. къ началу XVIII в.

Построеніе этихъ надземныхъ гробницъ было несомнѣнно связано съ представленіемъ о загробной жизни покойниковъ. Тотъ свѣтъ находится подъ землей. Имъ управляетъ подземный богъ Эштръ или Этеръ. Солнце днемъ освѣщаетъ этотъ свѣтъ, а ночью—тотъ свѣтъ, а по другому варианту, солнце—свѣтило этого свѣта, а луна—того свѣта или мертвыхъ; отъ луны покойникамъ также жарко, какъ намъ отъ солнца. Живутъ покойники также родами; всякій умершій отправляется къ своимъ родственникамъ, умершимъ ранѣе. На томъ свѣтѣ также точно исполняются всѣ работы, какъ и на этомъ и притомъ одновременно: когда кончаютъ покосъ или жатву на этомъ свѣтѣ, одновременно прекращаются работы и на томъ. Разница лишь въ томъ, что покойники работаютъ по ночамъ, когда солнце уходитъ изъ міра живыхъ въ страну умершихъ. По окончаніи жатвы, чеченцы устраиваютъ «марсъ-порръ» или жатвенный ужинъ, угощеніе для мертвыхъ родственниковъ, говоря: «можетъ быть теперь и они окончили работы». Празднество это въ честь умершихъ устраивается каждой семьей отдѣльно.

Разъ покойники живутъ такую же жизнью, какъ живые, то имъ нужно все: и домъ, и вся обстановка живыхъ. Кашъ является для покойника домомъ. Внутри его вы увидите: дѣтскую колыбельку, посуду, глиняные горшечки, желѣзные дробтики, желѣзныя стрѣлы съ оперенными древками, ножи въ деревянныхъ ножнахъ, луки съ тетивами изъ жилъ, кожаные колчаны, деревянные чашки для питья, серебряныя бляхи, трехъ-струнныя балалайки, деревянные башмаки, шашечные клинки и всевозможное оружіе, ножницы для стрижки овецъ, пуговики металлическія и т. д.,—словомъ все, что образуетъ въ совокупности хозяйственныя и иныя принадлежности людей въ этой жизни, всѣ предметы роскоши и необходимости, все вмѣстѣ съ ихъ обладателями-хозяевами переносится въ кашъ и вмѣстѣ съ ними переселяется въ подземную обитель. Въ нѣкоторыхъ кашахъ находятся даже котлы и надъочажныя цѣпи—признакъ переселенія въ кашу всей семьи, такъ какъ, если хоть одинъ членъ семьи остается живъ, котлы и цѣпи обязательно остаются въ домѣ. Преданіе гласитъ, что нѣкогда, лѣтъ 200 тому назадъ, среди чеченцевъ свирѣпствовала чума, уничтожившая половину населенія; такъ много людей умирало въ это бѣдственное время, что не успѣвали хоронить,

и несчастные чеченцы, боясь остаться непохороненными, сами шли въ свои фамилные склепы и иногда цѣлою семьею, съ грудными младенцами въ люлькахъ, умирали тамъ.

Мертвому нужна, конечно, и жена. Интересенъ обычай, записанный графомъ Потоцкимъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Когда у чеченца умиралъ сынъ, къ нему являлся кто нибудь изъ единоплеменниковъ, у котораго въ томъ же году умерла дочь. «Сынъ твой, говорилъ пришедшій, можетъ нуждаться на томъ свѣтѣ въ женѣ. Я отдаю ему руку своей дочери». Обычай не допускалъ отказа отъ подобнаго предложенія и требовалъ уплаты калыма, какъ и за живую невѣсту, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ.

Впослѣдствіи погребеніе вмѣстѣ съ покойниками принадлежавшихъ имъ вещей было замѣнено поминками, которыя устраивались ежегодно. Для удобства поминокъ каши иногда устраивались съ поминальною камерой, въ которую собирались родственники для поминовенія усопшихъ. Затѣмъ устройство для мертвыхъ домовъ совсѣмъ было оставлено и покойниковъ начали хоронить въ подземныхъ могилахъ; это было простою уступкою требованіямъ здраваго смысла: народъ рѣшилъ, что нѣтъ надобности губить непроизводительно вещи. Установить точно эпоху такого перехода невозможно; можно лишь съ достовѣрностью утверждать, что обычай непосредственнаго погребенія всего, что нужно покойному, существовалъ въ періодъ устройства кашей и прекратился въ періодъ погребенія въ землѣ. Какъ совершился этотъ переворотъ и подъ вліяніемъ какихъ причинъ, этотъ вопросъ не поддается точному разрѣшенію и относится скорѣе къ области психологіи. Въ данномъ случаѣ въ жизни чеченцевъ произошло то-же, что и другихъ народовъ: непосредственное соблюденіе устарѣвшихъ обычаевъ замѣнено ихъ символизацией. Такъ, на примѣръ, китайцы отъ дѣйствительнаго сжиганія вещей и погребенія женъ съ мужьями перешли къ сжиганію бумажныхъ моделей ихъ.

Помимо описанныхъ надземныхъ могильниковъ, въ горной Чечнѣ часто встрѣчаются похожіе на нихъ домики нѣскольکو большаго размѣра, иногда обнесенные дворомъ съ каменной оградой. Такіе домики, сложенные изъ обтесаннаго камня на прочномъ цементѣ, стоятъ обыкновенно на высокой скалѣ, на которую нелегко взойти, на самомъ краю ея. Съ теченіемъ времени скалы иногда осыпаются, и домики висятъ надъ без-

дной половиною своихъ обрушившихся стѣнъ. Это—*элыицы*, т. е. часовни, посвященные или родовымъ патронамъ, или богамъ природы, которыхъ у чеченцевъ было много, и вѣрованіе въ которыхъ, въ видѣ предрасудковъ, удержалось до настоящаго времени. Центромъ рода служитъ очагъ, и потому главою родовыхъ патроновъ является божество огня, громовержець *Сели*, которому посвящена среда; въ этотъ день считается большимъ грѣхомъ дать изъ очага комунибудь огня. *Сели* передалъ свое имя радугѣ (*Сели-атъ*) и молніи (*Сели-хаишкъ*) Убитаго молніей считаютъ блаженнымъ и не оплакиваютъ. *Сели*—самый страшный, но и самый справедливый богъ. Не менѣе популяренъ одноглазый богъ *Елта*, покровитель охоты. Вершина Казбека, по вѣрованію чеченцевъ, служитъ мѣстопробываніемъ богини вьюгъ *Дардза-нянилькъ* (мать вѣтровъ).

Не перечисляя всѣхъ боговъ чеченскаго пантеона, упомяну, что послѣднюю ступенью въ развитіи его, вѣнцомъ ихъ народной мифологіи, является *Верховный Богъ*, царь всего творенія и отецъ всѣхъ прочихъ боговъ; его называютъ *Дэла*. Вѣрованіе въ *Дэлу* составляетъ смѣсь языческихъ и христіанскихъ вѣрованій.

Изъ языческихъ храмовъ мы подробно осмотрѣли *Маги-Ерда*, расположенный на высокой горѣ, покрытой чуднымъ сосновымъ лѣсомъ, противъ сел. Салги, Сунженскаго отдѣла. Онъ стоитъ правою стѣною на самомъ краю обрыва; съ лѣвой (сѣверной) стороны онъ обнесенъ невысокою каменною оградой, въ которой чередуются небольшія ниши.

Еще недавно жители селенія Салги въ извѣстный день варили пиво, приготовляли въ большомъ количествѣ треугольныя небольшія лепешки, рѣзали барановъ и отправлялись справлять праздникъ къ своей родной святынѣ. Во главѣ процессіи шель старикъ, одѣтый обязательно въ бѣлую одежду. Въ рукахъ онъ держалъ шесть съ колокольчиками и бѣлымъ знаменемъ. За нимъ шли женщины, которыя пѣли особый припѣвъ *уоллай*. Процессія обходила святыню, причемъ нѣкоторые ставили въ извѣстномъ мѣстѣ зажженные восковыя свѣчи. Кланяясь святому мѣсту, чеченцы обязательно снимали съ головы папаху. Передъ началомъ пиршества старики произносили молитвы, въ которыхъ просили Бога объ урожаѣ полей, приплодѣ скота и всякомъ благоденствіи. Торжество кончалось пирושкой, продолжавшейся до поздней ночи. Для

каждаго пиршества приготавливались особые деревянные кубки, которые послѣ пиршества оставлялись въ храмѣ вмѣстѣ съ костями съѣденныхъ животныхъ. Ими положительно заваленъ храмъ; нѣсколько кубковъ я привезъ оттуда для Владикавказскаго музея.

Священные мѣста, около которыхъ совершался, а иногда и теперь совершается описанный культъ, встрѣчаются весьма часто близъ посѣщенныхъ нами ауловъ. Такъ, близъ аула Арзи, Мецхальскаго общества, на горѣ, на полянкѣ среди лѣса, есть мѣсто, называемое *Амгали*, куда лѣтомъ отправляются съ приношеніемъ женщины, подъ предводительствомъ одѣтаго въ бѣлое старика. Недалеко оттуда находятся остатки небольшого каменнаго зданія, называемаго *Тушол*, и т. д.

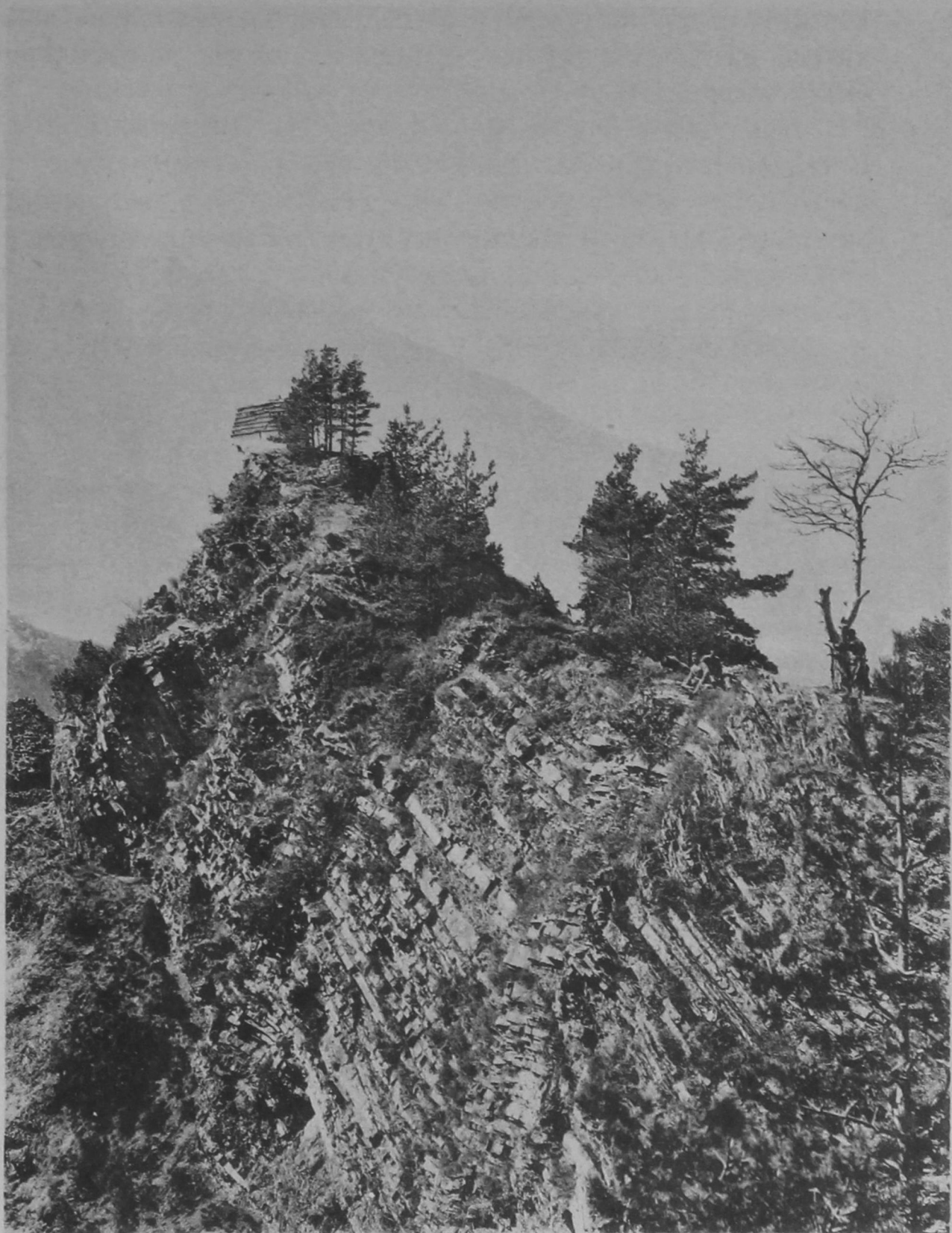
Въ описанномъ культѣ есть несомнѣнные слѣды христіанскихъ обрядовъ. Къ нимъ относятся: колокольчики, пѣніе молитвъ, восковыя свѣчи, сниманіе шапокъ молящимися. Очевидно, распространеніе христіанскаго ученія въ горахъ отразилось на обрядовой сторонѣ молитвенныхъ дѣйствій, оставшихся отъ временъ языческихъ. Впослѣдствіи и самыя храмы начали строить съ христіанскою эмблемой. Къ числу такихъ храмовъ относится *Делите* или *Долте*. Онъ стоитъ на горѣ около селенія Картъ, Сунженскаго отдѣла. По словамъ стариковъ, на Долте стояли желѣзные кресты, но они не сохранились. Въ восточной стѣнѣ хорошо сохранился высѣченный крестъ такой-же формы, какъ на башняхъ въ с. Хани. Этотъ храмъ пользовался большимъ почетомъ у ингушей, которые еще недавно собирались къ нему для рѣшенія вопросовъ, общихъ всему племени. Въ настоящее время онъ обращенъ въ овчарню: въ него пастухи загоняютъ барановъ въ непогоду.

Перейдемъ къ одному изъ самыхъ замѣчательныхъ христіанскихъ сооружений, къ древнему храму, извѣстному у ингушей подъ именемъ *Тхаба-Ерда*, т. е. *два тысячи святыхъ**).

Древній храмъ Тхаба-Ерда представляетъ прямоугольное продолговатое зданіе небольшихъ размѣровъ, въ 17 метровъ длины и 7¹/₂ ширины. Стѣны, сложенные изъ тесаныхъ камней на извести, достигаютъ толщины 0,80 метр.

Обѣ двери, ведшія въ церковь, западная и южная, небольшихъ размѣровъ, украшены плитами съ разнообразными

*) Или по другому переводу—*святой двухъ тысячъ*.

Часовня Сеска-Солса.

орнаментами. Впереди западныхъ дверей мы увидѣли груды камней, частью отъ развалившейся ограды, частью свалившихся сверху, гдѣ зяетъ разрушенный сводъ надъ оригинальными барельефами. На верху видны куски полуразвалишагося карниза, каменные плиты котораго украшены превосходнымъ орнаментомъ въ строго византійскомъ стилѣ. Я вывезъ нѣсколько камней съ орнаментомъ для владикавказскаго музея.

Внутри храмъ арками дѣлится на 4 части: алтарь, корабль, трапезу и притворъ. Алтарь лежитъ на 1 арш. выше храма; раскопки проф. Миллера обнаружили ступеньки къ нему. Алтарный абсидъ представляетъ дугу въ 9 метровъ. На сѣверной сторонѣ храма былъ придѣлъ съ алтарнымъ полукружіемъ. Здѣсь есть слѣды небольшой двери, которая вела въ тайникъ, служившій, вѣроятно, для храненія священныхъ предметовъ. Около южной стѣны была небольшая пристройка, назначеніе которой осталось неизвѣстнымъ.

Самый любопытный барельефъ сохранился на западной стѣнѣ надъ входною дверью. Мы застали его уже полуобрушившимся, но въ 1886 г. онъ былъ еще цѣлъ и подробно описанъ пр. Миллеромъ. Въ пространномъ сферическомъ треугольникѣ, окруженномъ какъ бы выпуклою рамою (валикомъ), представлены въ серединѣ человекъ, повидимому, сидящій на сѣдалищѣ, съ моделью церкви на головѣ; по бокамъ его двѣ стоящія фигуры; правая держитъ въ лѣвой рукѣ крестъ, а правую руку положила на рукоять меча; лѣвая фигура въ епитрахили и съ кистями винограда на плечахъ; около изображенія модели храма сбоку на плитѣ высѣчена рука, держащая наугольникъ; надъ правой фигурой съ крестомъ вдѣлана плита съ плохо сохранившейся грузинской надписью; такая же надпись помѣщается съ лѣвой стороны, нѣсколько выше первой. Въ той-же западной стѣнѣ, по обѣимъ сторонамъ средняго барельефа, вдѣланы плиты съ изображеніями двухъ ангеловъ; надъ барельефомъ—подъ конькомъ—еще плита съ неявственной человѣческой фигурою, съ рукою на рукояти меча. По бокамъ церковной модели расположены камни съ надписями.

Всѣ барельефы чрезвычайно грубаго стиля, высѣчены очень глубоко (болѣе вершка) на мягкомъ камнѣ и сильно пострадали отъ времени. Плиты съ изображеніями человѣческихъ фигуръ и съ орнаментами были, по мнѣнію мѣстныхъ жите-

лей, привезены изъ Грузіи готовыми, такъ какъ такого матеріала нѣтъ въ окрестностяхъ храма.

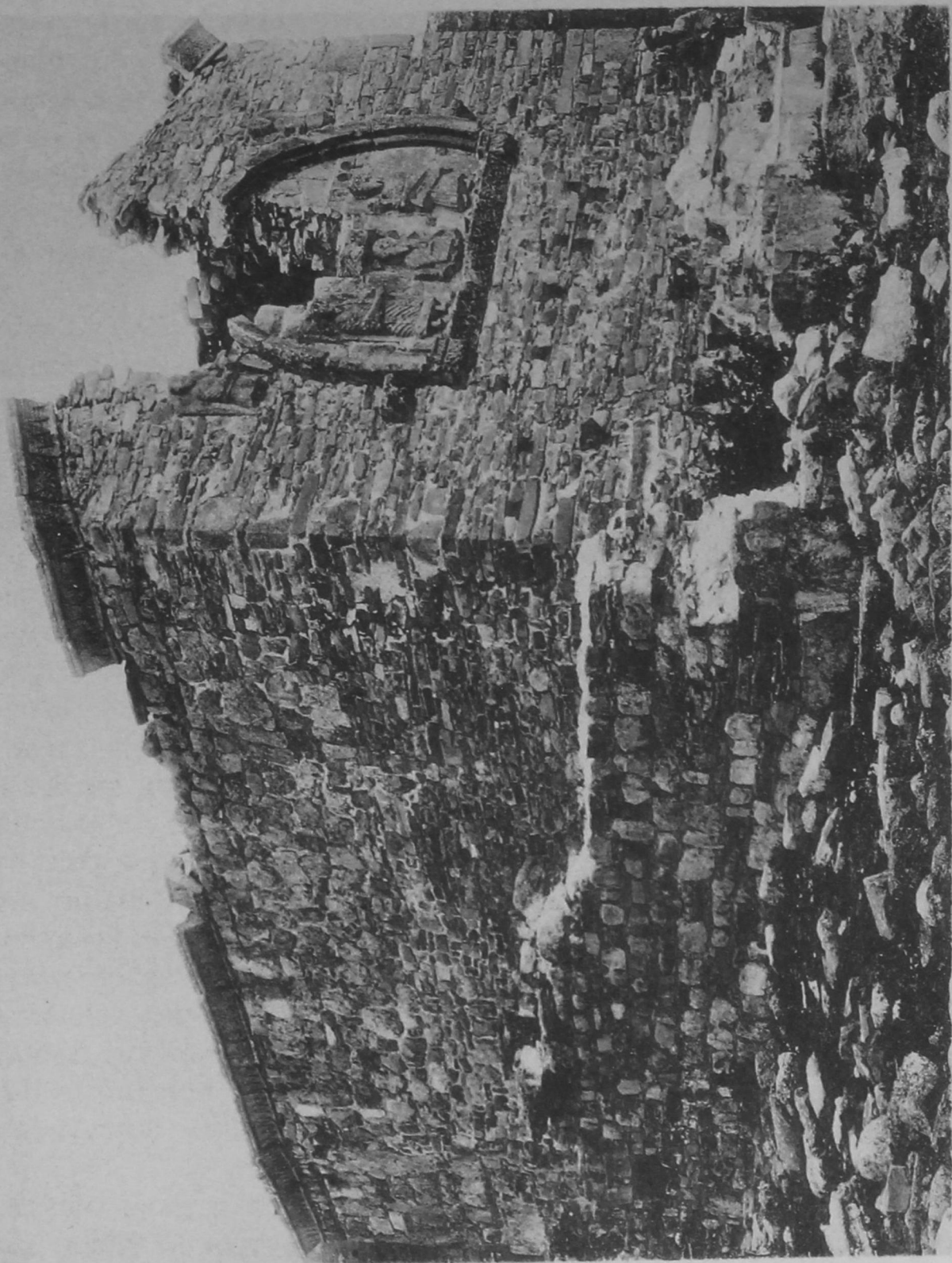
Что касается покрытія церкви, то судя по остаткамъ, видно, что оно состояло изъ трехъ сводовъ (1 надъ притворомъ, два—надъ храмомъ) и правильнаго полукруглаго свода надъ алтарнымъ полукружіемъ. Эти своды, частью обрушившіеся, поддерживали двускатную крышу, вѣроятно, покрытую черепицей, какъ можно заключить по множеству отдѣльных кусковъ, попадающихся внутри церкви и въ ея ближайшихъ окрестностяхъ. Барабанъ и куполь не уцѣлѣли, но о ихъ существованіи можно заключить изъ модели храма, представляющей обычный типъ грузинскихъ церквей.

Всѣ части этого храма настолько интересны, что я остановлю на нихъ подробно ваше вниманіе. Интересны детали восточнаго окна. Вверху въ нишѣ вдѣланъ камень съ высѣченными на немъ фигурами. Справа человѣкъ съ какимъ-то животнымъ. Археологи думаютъ, что это Самсонъ, раздирающій пасть льву. Лѣвѣ этой группы еще три человѣческихъ фигуры. Что онѣ обозначаютъ? Къ сожалѣнію, художникъ не подписалъ ихъ, а всякія толкованія, которыя мы сами попытались бы сдѣлать, были бы по меньшей мѣрѣ произвольными.

Боковыя окна очень небольшія, кверху суживаются; косяки каменные, лѣвый гладкій, а правый украшенъ орнаментомъ. Подъ косяками кронштейны, лѣвый съ изображеніемъ, вѣроятно, ангела, а правый въ видѣ окончанія колонки.

По словамъ стариковъ, къ развалинамъ церкви собирались съ приношеніями жители окрестныхъ ауловъ одинъ разъ въ годъ, именно на Красную горку. Этотъ культъ святыни ни что иное, какъ глухое воспоминаніе тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда Тхаба Ерда была приходскою церковью окрестныхъ ауловъ. Любопытно, что четырьмя отдѣленіями церкви жители пользовались оригинальнымъ образомъ, подѣливъ ихъ между четырьмя аулами: въ 1-мъ отдѣленіи справляли праздникъ Яулинцы, во 2-мъ—Акальцы, въ 3-мъ—Хамхинцы, въ 4-мъ—Таргинцы.

Для опредѣленія времени построенія этой церкви могутъ служить до нѣкоторой степени вышеупомянутыя надписи, находящіяся на западной сторонѣ надъ барельефами. Въ настоящее время камни съ этими надписями хранятся во Владикавказѣ; я отыскалъ ихъ въ грудѣ мусора около церкви. Онѣ

Христiанскій храмъ „Тхаба-Ерда“.

прочитаны грузинскимъ археологомъ Бакрадзе, который посѣтилъ храмъ около 1871 года, когда онъ засталъ не 2, а 4 камня съ надписями. Надписи сдѣланы на древне-грузинскомъ языкѣ. Первая гласитъ: «Христе, прослави строителя (храма сего) патрона Давида». Вторая: «Господи, благослови Георгія епископа». Третья: «Господь Саваоѡ(?) Помяни епископа Георгія». Четвертая: «Короникони 830 г.»

Такимъ образомъ, если Бакрадзе прочиталъ надписи правильно, Тхаба-Ерда—грузинская церковь, построенная какимъ-то патрономъ Давидомъ въ округѣ епископа Георгія въ 830 г. по Р. Х., т. е. 1050 лѣтъ назадъ. Слѣдовательно, существованіе въ Чечнѣ христіанства становится несомнѣннымъ фактомъ. Очевидно, Чечня составляла одну изъ грузинскихъ епархій.

При посѣщеніи Тхаба-Ерды еще въ 1893 г. я услышалъ отъ стариковъ, что въ этомъ храмѣ было Евангеліе, которое куда то исчезло; говорили, что оно не пропало, а хранится у одного изъ ингушей окрестныхъ селеній. Я принялся за розыски, но обладатель священной книги тщательно скрывался. Наконецъ, въ 1895 г. мнѣ удалось добыть небольшой кусокъ пергамента отъ этого Евангелія, а въ 1896 году я узналъ таки имя обладателя священной книги. За небольшое вознагражденіе онъ уступилъ мнѣ всѣ сохранившіеся листы. Это оказался Псалтырь, писанный отъ руки на пергаментѣ древне-грузинскимъ шрифтомъ.

Тхаба-Ерда долго почиталась чеченцами, какъ одна изъ самыхъ важныхъ святынь. Введеніе мусульманства, которое стало господствующей религіей въ Чечнѣ лѣтъ 150 тому назадъ, долго не могло ослабить этого почитанія. Именемъ этой церкви чеченцы клялись до самаго послѣдняго времени; произнесенная около стѣнъ ея клятва рѣшала всѣ вопросы и гражданскіе споры. Достаточно, на примѣръ, сказать здѣсь, что спорный участокъ земли дѣйствительно принадлежитъ такому то, и всѣ другіе претенденты тотчасъ же отказывались отъ него. Если путникъ узнавалъ, что у стѣнъ Тхаба-Ерды ктонибудь произноситъ клятву, онъ сворачивалъ съ дороги, чтобы и его какънибудь не покаралъ гнѣвъ Божій, если клянущійся скажетъ неправду. Здѣсь же, говорятъ, происходило собраніе всего чеченскаго народа, когда они выбирали себѣ князя.

Теперь почитаніе Тхаба-Ерды оставлено. Въ 1893 г. къ нему еще относились съ уваженіемъ, но въ 1896 г. мы увидѣли, что и этотъ храмъ, какъ Долте, превращенъ въ овчарню.

II. Въ горахъ Осетіи.

Площадь Осетіи въ предѣлахъ Терской области занимаетъ весь Владикавказскій округъ. На востокѣ границу ея составляетъ р. Терекъ, который верстахъ въ 6-ти ниже Владикавказа течетъ въ предѣлахъ Осетіи обоими берегами на протяженіи около 15 верстъ. Сѣверную и западную границы Владикавказскаго округа огибаютъ казачьи и кабардинскія земли, а южная граница примыкаетъ къ Кутаисской и Тифлисской губерніямъ.

Колыбелью осетинскихъ горцевъ считается Алагирское ущелье. Дорога въ это ущелье идетъ черезъ слободу Алагиръ. Эта живописная слобода, утопающая въ зелени фруктовыхъ садовъ, получившихъ всемирную извѣстность своею знаменитой алагирской грушей, расположена у самаго входа въ ущелье. Въ центрѣ слободы на просторной площади стоитъ алагирская церковь; самое зданіе храма еле виднѣтся изъ-за окружающихъ его роскошныхъ фруктовыхъ деревьевъ; впереди необыкновенно изящная колокольня съ самобойными часами; вокругъ церкви тянется крѣпкая ограда въ видѣ крѣпостной стѣны съ бойницами и башнями по угламъ; все устроено красиво, но прочно и приспособлено для отраженія вооруженныхъ нападеній. Эта церковь-крѣпость своими башнями и бойницами говоритъ намъ о томъ богатомъ событіи времени, когда Кавказъ еще не былъ покоренъ, когда по горамъ его леталъ гордый кавказскій орелъ—Шамиль, котораго легко могли привлечь сокровища алагирскаго серебро-свинцоваго завода.

Алагирская слобода основана подъ именемъ Горной станицы въ 1850 году. Для разработки принятаго въ то время въ казенное управленіе Садонскаго серебро-свинцоваго рудника, о которомъ я скажу ниже, потребовались опытные въ горномъ дѣлѣ мастера и рабочіе, которые въ числѣ 380 семействъ и были вызваны изъ Алтайскихъ, Уральскихъ и Луганскаго казенныхъ заводовъ. Первая партія прибыла изъ ближайшаго къ Кавказу Луганскаго литейнаго завода (Екатеринославской

губерніи) въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1850 г. На первый разъ она помѣщена была въ большихъ госпитальныхъ палаткахъ, такъ какъ на мѣстѣ, отведенномъ подъ станицу, не было никакого жилья. Для охраны переселенцевъ назначена была команда Донскихъ казаковъ, земляковъ луганцевъ. Однако въ палаткахъ нельзя было долго оставаться съ семействами, и потому луганцы, получивъ пособіе по 30 рублей на мастерового, немедленно устремились въ сосѣдній аулъ Салугардонъ и закупили себѣ осетинскія сакли, которыя перевезли на мѣсто, отведенное подъ станицу, и построили первую по времени улицу, носящую до сихъ поръ названіе Луганской. Затѣмъ стали прибывать мастеровые съ Уральскихъ заводовъ, которые размѣщались на первое время по квартирамъ у луганцевъ, и наконецъ, послѣдними явились мастеровые съ Алтайскихъ заводовъ, заставшіе уже поселеніе въ нѣсколько улицъ, такъ что недостатка для временнаго ихъ размѣщенія не было. Такимъ образомъ сформировалась горная станица Алагиръ съ населеніемъ казенныхъ природныхъ горныхъ мастеровыхъ, обязательная служба для коихъ полагалась въ 35 лѣтъ, считая съ 18-лѣтняго возраста. Для защиты станицы усиліями мастеровыхъ и военныхъ командъ, подъ руководствомъ саперовъ, былъ выкопанъ глубокой ровъ вокругъ станицы, наполнявшійся водою изъ проведенной канавы отъ рѣки Ардона. Для безопасности мастеровые были снабжены ружьями, отпущенными изъ артиллерійскаго вѣдомства, причемъ въ вѣкторые свободные дни мастеровые обучались практической стрѣльбѣ въ цѣль подъ руководствомъ унтеръ-офицеровъ. Жалованья мастеровые получали въ мѣсяць отъ 3-хъ до 5 рублей, смотря по спеціальности, и провіантъ на себя и жену по два пуда, а на малолѣтковъ по одному пуду въ мѣсяць на каждую душу.

На первое время для исполненія религіозныхъ потребностей служила церковь въ сосѣднемъ аулѣ Салугардонъ; служба производилась на грузинскомъ языкѣ. Но изъ числа мастеровыхъ оказался одинъ хорошо знакомый съ церковнымъ уставомъ, нашлись любители пѣнія и вскорѣ церковная служба въ Салугардонѣ пошла, какъ и въ русскихъ селахъ. Въ этомъ проявилось то огромное значеніе, которое имѣетъ колонизація Кавказа русскими переселенцами: гдѣ бы они ни появились, они всюду приносятъ съ собой свою православную вѣру, свои обычаи, свою русскую культуру.

Тѣмъ не менѣе черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ появленія въ Алагирѣ первыхъ русскихъ поселеневъ, а именно 8 ноября 1850 года, въ станицѣ была заложена особая каменная церковь, которая была окончена и освящена въ 1853 г. Она сложена изъ трахитоваго туфа въ византійскомъ стилѣ по плану художника князя Гагарина. Кладка производилась греческими мастерами. Самобойные часы на колокольнѣ, о которыхъ я упоминалъ, пожертвованы бывшимъ въ то время намѣстникомъ кавказскимъ княземъ Барятинскимъ.

По дорогѣ изъ Алагира въ горы, въ одной верстѣ отъ центра этой слободы въ юго-восточномъ направленіи, расположенъ Алагирскій казенный серебро-плавильный заводъ. По внѣшнему виду онъ напоминаетъ крѣпость изъ временъ кавказской войны. Таковы были условія тревожнаго на Кавказѣ времени, когда строился этотъ заводъ; если необходимо было обнести крѣпостною стѣной съ бойницами и башнями Божій храмъ, то тѣмъ болѣе это было необходимо по отношенію къ заводу, гдѣ выплавлялись серебро и свинецъ, составлявшіе большую приманку для еще непокоренныхъ полчищъ Шамиля, рыскавшихъ по горамъ во всѣхъ направленіяхъ и доходившихъ до Нальчика, Моздока и даже Кизляра. Постройка завода, какъ рассказалъ г. Толмачевъ, была начата одновременно съ устройствомъ Алагирской горной станицы; первый камень былъ заложенъ въ присутствіи намѣстника князя Воронцова въ октябрѣ 1849 года. Заводъ сооруженъ по проекту горнаго инженера подполковника Иваницкаго и 21 мая 1853 г. пущенъ въ дѣйствіе въ присутствіи того же князя Воронцова и его блестящей свиты. Первый опытъ былъ удаченъ: изъ 300 пуд. серебрястаго свинца (веркблея) выплавлено $26\frac{1}{2}$ фун. серебра.

Этотъ первый слитокъ серебра былъ представленъ Императору Николаю I, по желанію котораго изъ него сдѣлано два сосуда: одинъ для Петергофской церкви у «Бабьяго Гона», а другой для Исаакіевскаго собора. На сосудахъ сдѣланы соответствующія надписи о происхожденіи ихъ.

Заводъ занимаетъ площадь въ 1200 квадратныхъ сажень; выстроенъ изъ трахитоваго туфа; стѣны толщиною $1\frac{1}{2}$ аршина; въ нихъ устроены амбразуры для ружейной стрѣльбы, а на противоположныхъ углахъ, по діоганали укрѣпленія, сооружены двѣ башни для фланговой обороны. Для провоза внутрь завода рудъ съ Садонскаго рудника устроены съ южной стороны во-

Алагирскій серебро-свинцовый заводъ.

рота и при них будка для часового. Внутри укрѣпленія со-
оружены корпуса плавильныхъ печей, воздуходувная машина,
кузница, пробирная, контора, магазины и проч.

Изъ Алагира въ горы и далѣе чрезъ Мамисонскій пере-
валъ въ Кутаисскую губернію ведетъ довольно хорошо раз-
работанная дорога, извѣстная подъ названіемъ военно-осетин-
ской. Въ общемъ она напоминаетъ военно-грузинскую, но менѣе
благоустроена. Изъ самой слободы выходитъ прямое какъ стрѣла
шоссе, по обѣимъ сторонамъ котораго тянется дугъ съ яркою
зеленью, какъ будто нарочно усаженный рѣдкими деревьями
ольхи. Въ тѣни этихъ деревъ пріютились родники чистой какъ
слеза воды, наполняющіе воздухъ необыкновенно живительной
прохладой. Прямо съ дороги открывается видъ на дальнія горы,
потонувшія въ дымкѣ раскаленнаго солнцемъ воздуха. Слева
изъ-подъ лѣсистой горы доносится несмолкающій шумъ р.
Ардона, который въ этомъ мѣстѣ выходитъ изъ тѣснинъ
ущелья, но все еще волнуется, пѣнится и шумитъ, громякая
катящимися подъ водой камнями. Живописныя окрестности и
превосходный мягкій и ровный климатъ Алагира привлекаютъ
на лѣто пріѣзжихъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей Рос-
сіи, которые здѣсь, въ тиши отъ городского шума, наединѣ
съ живительной природой, находятъ душевный покой и отдыхъ
утомленнымъ нервамъ.

Какъ только окончится Алагирская долина, дорога под-
нимается вверхъ и все остальное протяженіе свое идетъ въ
полугорѣ, 3 раза переходя съ одного берега р. Ардона на дру-
гой. Дорога эта была разработана съ цѣлью соединенія Садон-
скихъ серебро-свинцовыхъ рудниковъ съ Алагирскимъ плавиль-
нымъ заводомъ, отъ котораго рудники находятся на разстоя-
ніи 33 верстъ. Сначала дорога прокладывалась по руслу р.
Ардона и въ теченіе 1848—1849 года была доведена уже до
половины своего протяженія, но въ слѣдующемъ 1850 г. слу-
чился большой ливень, отъ котораго Ардонъ сильно вздулся,
и всѣ дорожныя сооруженія были снесены водой. Это обстоя-
тельство показало, что дорогу необходимо проложить въ полу-
горѣ, повыше отъ русла бѣшеной рѣки. Теперь дорога идетъ
по склону скалистой горы, то открываясь, то прячась за уте-
сами. Внизу Ардонъ катитъ свои синія волны по свѣтлому
каменному ложу; по бокамъ въ перемежку съ высокими голы-
ми скалами темная зелень ольхи, съ голыми стволами, отъ

самаго корня почти до верху лишенными коры, которую осетины обдираютъ для приготовленія коричневой краски; надъ ними колыхутся зеленыя короны могучихъ чинаровъ, стройныхъ буковъ и столѣтнихъ дубовъ, а еще выше бѣзконечный шатеръ голубого неба, куда невольно улетають ваши мысли, благоговѣя предъ великой силой Творца этихъ чудесъ. Необыкновенно богатая растительность первой цѣпи горъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Черныхъ горъ, давно уже привлекаетъ вниманіе ученыхъ ботаниковъ; профессоръ Горожанкинъ, Динникъ, Лисскій, Альбовъ, Акинфѣевъ и многіе другіе нашли здѣсь богатѣйшій матеріалъ для изученія кавказской флоры. Здѣсь въ 12 верстахъ отъ Алагира находится обильный тепло-сѣрный источникъ. Температура воды $10\frac{1}{2}^{\circ}$ Цельсія. Вода вытекаетъ изъ-подъ шоссе и характерный запахъ тухлыхъ яицъ (сѣрнистаго водорода) слышенъ за полверсты раньше до этого источника; другой минеральный источникъ—желѣзо-углекислый, называемый Суаръ, находится на 48-й верстѣ, подъ шоссе, на высотѣ 5400 фут. надъ ур. м.; температура его воды $9\frac{1}{2}^{\circ}$ Ц., вода очень пріятная на вкусъ, напоминаетъ знаменитый Нарзанъ въ Кисловодскѣ. Замѣчательно, что такіе же источники и приблизительно въ той же цѣпи горъ встрѣчаются по военно-грузинской дорогѣ и по Аргунскому ущелью.

Далѣе вы вѣзжаете въ предѣлы известковой складки или Скалистаго хребта, который извѣстенъ у туземцевъ подъ общимъ названіемъ Бѣлыхъ горъ и характеризуется тѣмъ, что съ сѣверной стороны представляетъ постепенный подъемъ въ 30—40⁰ до высоты въ 9—12000 фут., тогда какъ съ южной онъ совершенно отвѣсный и образуетъ гигантскую стѣну въ $1\frac{1}{2}$ версты высоты, считая отъ основанія до верхушки. Видъ этой бѣлой стѣны, изборожденной страшными трещинами, совершенно голой, свободной отъ растительности и вѣчно окутанной облаками, до такой степени эффектный, что можетъ поспорить съ самой пылкой фантазіей, доступной человѣку въ сновидѣніяхъ. Какъ только вы оставили эту стѣну за собой на сѣверѣ,—вы чувствуете, что находитесь въ особомъ мірѣ природы и людей. Тамъ за вами осталась Россія съ своими солнцемъ, вѣтрами, лѣсомъ и людьми, здѣсь—не то освѣщеніе, не тотъ климатъ, не та растительность и люди. Лучи полуденнаго солнца, отраженные отъ вертикальной гигантской известковой стѣны Скалистаго хребта, наполняютъ долину

такимъ обиліемъ свѣта и тепла, какого никогда не бываетъ, при всѣхъ равныхъ условіяхъ, въ 10 верстахъ оттуда на сѣверь. Въмѣсто пріятнаго сплошнаго зеленаго фона лѣсовъ, здѣсь вы видите голыя скалы, то свѣтло-сѣрыя известковыя, то грязно-темныя глинистыя, на которыхъ то тамъ, то сямъ ютятся какіе-то колючіе приземистые азіатскіе кустарники или отдѣльныя пучки полыни, береста и другихъ такихъ-же сѣрыхъ и корявыхъ травокъ, какъ и фонъ основной почвы. Благодаря защитѣ мѣстности высокой стѣнной Бѣлыхъ горъ отъ сѣверныхъ холодныхъ вѣтровъ, хлѣба вырѣваются здѣсь очень рано, къ половинѣ іюля, будучи на высотѣ 3000—4000 ф. н. у. м. На 24-й высотѣ отъ Алагира, на высотѣ почти 3000 ф. н. у. м., путникъ вступаетъ въ область метаморфическихъ глинистыхъ сланцевъ, легко вывѣтривающихся и напоминающихъ своимъ видомъ и строеніемъ весьма распространенные сланцы въ Крыму.

Но вотъ русло рѣчки, многоводной и менѣе грязной по водѣ, чѣмъ Терекъ, суживается,—и вы вступаете въ предѣлы изверженныхъ кристаллическихъ породъ. Горы принимаютъ иное очертаніе, вновь начинаютъ все чаще и чаще попадаться древесныя породы, какъ широколиственныя, такъ и хвойныя; послѣднія преобладаютъ по вершинамъ горъ и по сѣвернымъ тѣнистымъ склонамъ, опускаясь мѣстами до самой воды. Теперь вы находитесь въ области Бокового кряжа, который отходить отъ Адай-хоха, что въ Главномъ хребтѣ. На 29-й верстѣ отъ Алагира находятся такъ называемыя Батскія или «Кривыя» ворота, которыя были устроены, какъ говоритъ преданіе, генуэзцами въ самомъ узкомъ мѣстѣ рѣки и перебрасывались съ лѣваго на правый берегъ ея, преграждая встарину входъ съ юга на сѣверь.

Далѣе горы по обимъ берегамъ Ардона еще ближе подходятъ другъ къ другу, ущелье сильно суживается, дорога вьется подъ отвѣсными скалами надъ самой рѣкой, съ оглушительнымъ шумомъ падающей по длинному ряду громаднхъ ступеней порога, заваленнаго скатившимися сверху огромными валунами; на узкой дорогѣ, огражденной деревянными барьерами, нельзя разѣхаться двумъ встрѣчнымъ экипажамъ. Въ общемъ картина напоминаетъ Дарьяльское ущелье, только здѣсь горы не такъ дики и не обнажены, и большею частью покрыты внизу кустарниками барбариса, можжевельника, крыжовника,

а вверху—сосною, елью и березой. Кромѣ самой дороги и дорожныхъ сооруженій, здѣсь ничто не напоминаетъ вамъ о цивилизаціи. Еще недавно шведскія спички приводили жителей въ крайнее изумленіе; они думали, что эти спички слушаются только своего хозяина и въ чужихъ рукахъ не зажигаются. Естествоиспытатель Акинфіевъ, проѣхавшій здѣсь въ 1890 г., рассказываетъ такой случай: одинъ осетинъ нашелъ на дорогѣ глухіе карманные часы; онъ хотѣлъ взять съ собой никогда невиданный предметъ, но услышалъ, что внутри его что-то стучитъ. Испуганный, онъ порѣшилъ, что это нечистая сила, схватилъ камень и разбилъ часы вдребезги.

Миновавъ отсюда два-три поворота, дорога выходитъ на небольшую, чрезвычайно живописную долину, на которой расположено урочище св. Николая, въ разстояніи 44 верстъ отъ Алагира выше 4000 фут. н. у. м. Оно состоитъ изъ трехъ небольшихъ зданій и длинной конюшни, обнесенныхъ невысокой каменной стѣной. Постройки принадлежатъ вѣдомству путей сообщенія и предназначаются для помѣщенія чиновъ этого вѣдомства на время дорожныхъ работъ. Здѣсь же находятъ пріютъ путешественники, которые догадаются заблаговременно пріобрѣсти разрѣшеніе отъ инженеровъ; иначе въ домъ никого не впустятъ. Здѣсь у сторожа или дорожнаго мастера всегда можно найти самоваръ, но ничего больше: чай, сахаръ, хлѣбъ и все вообще съѣстное необходимо привезти съ собой, иначе придется голодать. Живущіе въ урочищѣ все необходимое получаютъ изъ Алагира и понятно лишняго ничего не имѣютъ, а въ окрестныхъ осетинскихъ аулахъ нельзя достать не только хлѣба, но и такихъ обычныхъ во всякой деревнѣ продуктовъ, какъ яйца и куры. Сильный недостатокъ пахотной земли заставляеть горцевъ отказываться отъ разведенія домашней птицы изъ опасенія, что она будетъ причинять большой вредъ ихъ посѣвамъ. Вообще я настоятельно совѣтую всѣмъ, кто соберется побывать въ горной Осетіи, не особенно полагаться на прославленное горское гостепримство и, по русской пословицѣ, собираясь на день, брать запасовъ на недѣлю. Мнѣ приходилось кормить не только проводниковъ, но и бѣдныхъ хозяевъ, у которыхъ я останавливался въ аулахъ.

Тотчасъ за урочищемъ св. Николая начинается тѣсное, величественное Касарское ущелье, имѣющее еще большее сходство съ Дарьяльскимъ ущельемъ. Какъ разъ въ моментъ моего

проѣзда по этому ущелью здѣсь производилась разработка новой дороги. На самой серединѣ громадной, совершенно отвѣсной скалы я замѣтилъ нѣсколько человѣческихъ фигуръ; это рабочіе, которые прорубали въ скалѣ галлерею для будущей дороги. Какъ эти люди не только держатся, но и работаютъ на совершенно отвѣсной стѣнѣ, подѣ которой шумитъ грозная пучина Ардона, загроможденнаго обломками скалъ,— это тайна человѣческой привычки. Каждый неосторожный шагъ, каждое лишнее движеніе рабочаго будетъ стоить ему жизни; однако случаи несчастій съ дорожными рабочими въ нашихъ горахъ довольно рѣдки. Рабочій до того привыкаетъ къ своему положенію надѣ пропастью, что перестаетъ замѣчать опасность и движется по скаламъ почти съ такой же непринужденностью, какъ на совершенно ровной поверхности, а въ горахъ *чѣмъ больше увѣренный и твердый шагъ, тѣмъ меньше шансовъ оступиться*,—точь въ точь какъ въ нашей обыденной жизни.

Проѣхавъ еще двѣ-три версты и поднявшись на высоту 5500 ф. н. у. м., гдѣ холодъ заставляетъ васъ кутаться въ зимнее платье, вы вдругъ неожиданно, послѣ одного изъ безчисленныхъ крутыхъ поворотовъ, вѣзжаете въ расширенную область верховья Ардона, самую красивую широкую котловину, какую только приходится видѣть на Кавказѣ изъ обитаемыхъ долинъ на этой высотѣ. Она совершенно кругомъ закрыта высокими горами, которыя на сѣверѣ значительно выше, чѣмъ на югѣ, именно горы Бокового кряжа, поднятыя до 15 16000 фут. и своими вѣчно бѣлоснѣжными вершинами защищающія мѣстность отъ сѣверныхъ холодовъ. Здѣсь въ каждомъ уголкѣ Ардона и его притоковъ, гдѣ есть хоть нѣсколько удобныхъ для жизни десятинъ земли, ютятся села, поселки и отдѣльные двory. Вездѣ, гдѣ возможно, по освѣщеннымъ солнцемъ мѣстамъ, засѣвается главнымъ образомъ ячень, овесъ, коегдѣ картофель, а также рожь и пшеница. Последняя не всегда успѣваетъ вызрѣть, потому что посѣвы подняты здѣсь до 7200 и 7300 футъ н. у. м.

Ближайшіе къ дому участки подготавливаются къ пахотѣ раньше, но болѣе отдаленные, въ большинствѣ случаевъ расположенные очень высоко на крутыхъ склонахъ, требуютъ неимоверныхъ усилій. Еще съ зимы горецъ начинается подготовку такихъ участковъ, перевоза и переноса сюда немало перегнуо. Всѣ свободныя руки семьи бываютъ заняты этимъ

дѣломъ. Участокъ предварительно очищается отъ камней, разбросанныхъ по всей площади его. Этотъ гигантскій трудъ по очисткѣ земли отъ камня и по удобренію ея часто совершенно безслѣдно исчезаетъ для горца: снѣжный или каменный обвалъ, а также ливень или бурный весенній потокъ снова засоряютъ землю, сносятъ почву и посѣвъ, и всѣ труды горца совершенно уничтожаются. При нерѣдкости такихъ случаевъ нужно удивляться той энергіи, съ которой горцы продолжаютъ работу надъ своими земельными участками. Иногда при обработкѣ земель рабочій скотъ срывается съ обрывовъ и, разумѣется, погибаетъ. Поэтому цѣна пахотныхъ участковъ баснословно высока и совершенно не соотвѣтствуетъ доходности ихъ. Особенно цѣнятся участки, лежащіе близко къ усадебной осѣдлости.

Земли осетинъ считаются до сихъ поръ собственностью цѣлаго крупнаго общества. Таковы земли тагаурцевъ, куртатинцевъ, алагирцевъ и дигорцевъ. Частью этихъ земель пользуются отдѣльно аулы, или роды. Прежде въ предѣлахъ общественной территоріи каждый членъ общества имѣлъ право дѣлать земельную заимку, но не иначе, какъ съ согласія (хотя бы молчаливаго) однообщественниковъ; право же пользованія заимкой онъ удерживалъ лишь пока прилагалъ свой трудъ. Это было право пользованія—въ строгомъ смыслѣ слова, а не право собственности. Владѣніе, такимъ образомъ, въ древности было основано на разрѣшенномъ общественномъ захватѣ или на земельной заимкѣ. Съ теченіемъ времени и съ увеличеніемъ народонаселенія, земельное пользованіе было въ значительной мѣрѣ поставлено подъ контроль общины и подчинилось извѣстнымъ ограниченіямъ. Преобладающій сѣвооборотъ сдѣлался обязательнымъ, равно какъ и сроки, въ которые должны начинаться сельскохозяйственныя работы. Благодаря этому, съ полей одновременно снимался урожай и скотъ выпускался на пахотные участки, находившіеся въ пользованіи отдѣльныхъ членовъ общины. Ограниченіе въ правѣ пользованія отдѣльныхъ заимщиковъ распространялось даже на продукты, получаемые съ земли. Такъ еще въ пятидесятыхъ годахъ существовалъ обычай, по которому съ открытіемъ весны, когда появится въ горахъ кукушка, каждый нуждающійся въ сѣнѣ имѣлъ право брать его съ любого стога столько, сколько ему нужно. Въ настоящее время мы не встрѣчаемъ уже такого

обычая, но существованіе его раньше, равно какъ и ограниченіе правъ пользованія заимкой, показываютъ, что осетинское населеніе въ захватѣ и заимкѣ видѣло не право собственности, а лишь право пользованія подѣ контролемъ общества. Это обстоятельство не было своевременно оцѣнено, а потому русское правительство, на основаніи существовавшихъ заимокъ, санкціонировало здѣсь институтъ частной собственности, совершенно не соотвѣтствующій общему духу общины.

Въ настоящее время землевладѣніе въ горной Осетіи представляетъ пеструю смѣсь различныхъ формъ владѣнія: общинныхъ, переходныхъ и индивидуальныхъ. Во первыхъ, есть земли, принадлежащія нѣсколькимъ ауламъ и отселкамъ; въ такомъ положеніи находятся большею частью пастбищныя мѣста. Затѣмъ нѣкоторые участки находятся въ общинномъ владѣніи отдѣльныхъ ауловъ, другіе—во владѣніи отдѣльныхъ родовъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ семейныхъ общинъ, причемъ иногда отдѣльныя семьи чередуются: въ одинъ годъ засѣваетъ данный участокъ одна семья, а на слѣдующій—другая и т. д. Наконецъ есть участки, принадлежащія отдѣльнымъ семьямъ на правахъ частной собственности и переходящія отъ одного владѣльца къ другому по наслѣдству. Встрѣчаются и совсѣмъ безземельные, которыхъ г. Максимовъ насчитываетъ около 3⁰/₀ общаго числа горныхъ осетинъ.

Почти всякій туристъ, которому приходится побывать въ описанномъ Ардонскомъ ущельи, не удержится отъ соблазна сдѣлать двѣ экскурсіи въ сторону отъ военно-осетинской дороги, а именно: къ Цейскому леднику и на Садонскіе серебряно-свинцовые рудники.

Цейскій ледникъ, одинъ изъ красивѣйшихъ ледниковъ Кавказа перваго разряда, расположенъ въ 15-ти верстахъ отъ урочища св. Николая. Доступъ къ леднику очень удобенъ: все время можно ѣхать верхомъ, сначала по узкому ущелью Цей, а затѣмъ отъ селенія Цей по живописной долинѣ почти къ самому ледниковому гроту. Цейскій ледникъ спускается съ горы Адай-хохъ, поднятой до 13.244 ф. н. у. м. Внизу темнѣетъ превосходный сосновый лѣсъ, въ темной зелени котораго то показывается, то снова прячется серебристая грива горной рѣчки Цей-донъ; по сторонамъ возвышаются скалистые кряжи, покрытые мелкими ледниками на верху и стертые внизу могучимъ движеніемъ главнаго ледника, отрывавшаго на

своемъ пути отъ каменныхъ горъ цѣлыя скалы. Подъ однимъ изъ образованныхъ такимъ образомъ углубленій въ скалѣ, имѣющемъ видъ длинной галереи, мы нашли множество шалашей, сдѣланныхъ изъ нарубленныхъ вѣтокъ. Это лѣтнія жилища больныхъ туземцевъ, которые лѣчатся отъ разныхъ хроническихъ болѣзней купаньями въ Цей-донѣ, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣчка выходитъ изъ подъ ледяной арки. Едва-ли вода Цей-дона имѣетъ какія либо спеціальныя цѣлебныя свойства, но у туземцевъ вообще сильно распространено водолѣченіе, какъ народное средство отъ хроническихъ болѣзней и въ особенности отъ кожныхъ сыпей.

Вокругъ ледяныхъ полей на неприступныхъ скалахъ живетъ царь кавказской горной фауны—круторогій туръ, составляющій предметъ страстныхъ мечтаній осетинскихъ охотниковъ. До сихъ поръ еще это благородное животное во множествѣ водится у ледниковъ всего Сѣвернаго Кавказа. Осетины вообще—прекрасные охотники; въ этомъ отношеніи они далеко опередили своихъ восточныхъ сосѣдей—ингушей, которые довольно равнодушны къ охотѣ на звѣря и гороздо большую склонность питаютъ къ охотѣ по ночамъ на обывательское добро. Вѣнцомъ охотничьяго спорта у осетинъ считается охота на туровъ, за которыми они по цѣлымъ недѣлямъ лезутъ въ поднебесной вышинѣ, ежеминутно рискуя сорваться въ пропасть и погибнуть безъ погребенія. Только несовершенство туземнаго оружія до сихъ поръ спасало благороднаго тура отъ истребленія. Но въ послѣднее время дорогу къ жилищамъ этого царственнаго обитателя кавказскихъ ледниковъ узнали и европейскіе охотники, вооруженные такимъ совершеннымъ оружіемъ, отъ котораго не спасаетъ ни даль разстоянія, ни быстрота ногъ, ни крѣпость черепа. И скоро настанетъ время, когда кавказскій туръ исчезнетъ такъ же безвозвратно, какъ исчезли его альпійскіе братья.

Другой изъ вышеупомянутыхъ интересныхъ пунктовъ—Садонскій рудникъ находится верстахъ въ 4-хъ въ сторонѣ отъ военно-осетинской дороги и въ 33 верстахъ отъ Алагира, на рѣчкѣ Садонѣ, притокѣ Ардона слѣва, на высотѣ 4200 футъ. Онъ помѣщается въ уютномъ уголкѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ высокими скалами; кромѣ жилыхъ помѣщеній для служащихъ и рабочихъ, здѣсь находится церковь и различныя приспособленія для сортировки, измельченія и отму-

чиванія руды. Послѣднія производятся даровою силою горной рѣчки, составляющейся здѣсь изъ двухъ рукавовъ: сѣвернаго — Хо́да и южнаго — Садо́на, разбитыя канавками на мелкіе ручьи и провести воду по всѣмъ отдѣленіямъ завода не представляло большаго труда и расходовъ. Руда залегаетъ въ горѣ, расположенной на рѣчкѣ Хо́дъ выше завода. Жилы руды идутъ съ основанія горы далеко вверхъ, имѣя юго-восточное направленіе и характеризуюсь частыми и большими сдвигами, по формѣ трудно объяснимыми съ геологической точки зрѣнія. Толщина жилы весьма разнообразная: то она достигаетъ 3—4 сажень, то совсѣмъ сходитъ на нѣтъ. Вся жила обыкновенно состоитъ изъ слѣдующихъ слоевъ: если считать съ боковъ ея основную породу горы, состоящую изъ легко разрушаемаго видоизмѣненія крупно-зернистаго гранита, то за кварцемъ будутъ слѣдовать колчеданы—сначала желѣзный, потомъ мѣдный и цинковый; затѣмъ слѣдуютъ соединенія сурьмы и висмута и свинцово-серебряный блескъ; въ самомъ-же центрѣ находится тонкая бѣлая прослойка известковаго или тяжелаго шпата.

Съ самаго начала владычества Россіи на Кавказѣ дѣлались въ разное время попытки развѣдокъ и разработки серебряныхъ и другихъ рудъ въ разныхъ мѣстахъ, но всѣ онѣ принесли мало пользы и скоро были оставлены. Ученый графъ Мусинъ-Пушкинъ, взявшій на себя трудную обязанность раскрыть металлическое богатство Кавказа, при всѣхъ огромныхъ средствахъ, ему данныхъ, не рѣшилъ практически вопроса. Не зная свойства климата мѣстности, гдѣ онъ основалъ главныя свои дѣйствія, и не слушая совѣтовъ на этотъ счетъ опытныхъ людей, онъ скоро палъ жертвою злокачественныхъ болѣзней на берегахъ Куры и съ нимъ вмѣстѣ погибли почти всѣ прикомандированные къ нему опытные чиновники изъ Сибири. Всѣ открытые имъ заводы по смерти его были скоро рѣ оставлены. Развѣдки однако продолжались и пріисковъ серебро-свинцовыхъ рудъ въ разныхъ мѣстахъ Кавказа найдено до 14. На всѣхъ этихъ пріискахъ замѣтны были слѣды старыхъ работъ, но работы были небольшія, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ производилась жителями въ разномъ видѣ выплавка свинца для пуль.

Въ 1840 году сдѣлался извѣстенъ правительству Садо́нскій пріискъ. Онъ разрабатывался грекомъ Спиридономъ Че-

каловымъ, выходцемъ изъ Трапезундскаго пашалыка въ Азіатской Турціи. Этотъ грекъ прежде состоялъ подрядчикомъ каменныхъ работъ по военно-грузинской линіи и, какъ видно, имѣлъ значительный капиталъ. Получивъ извѣстіе о подземныхъ богатствахъ Садонскаго ущелья, онъ вошелъ въ соглашеніе съ 4-мя осетинскими фамиліями и сталъ добывать на ихъ земляхъ серебро и свинецъ, предварительно испросивъ разрѣшеніе начальства. Свинецъ сдавался въ артиллерію Кавказскаго корпуса, а серебро на С.-Петербургскій монетный дворъ. Въ 1843 году состоялось Высочайшее повелѣніе изыскать, «нѣтъ ли способа снабжать войска собственнымъ россійскимъ свинцомъ». Во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, для осмотра всѣхъ свинцовыхъ мѣсторожденій былъ командированъ горный чиновникъ Картеронъ. Изъ донесенія этого чиновника оказалось, что изъ числа 13-ти мѣсторожденій самое благонадежное Садонское. Произведенныя здѣсь затѣмъ развѣдки привели къ положительному убѣжденію въ богатствѣ Садонскаго мѣсторожденія, и оно было взято въ 1850 году въ казну. Грекъ Спиридонъ Чекаловъ за добытыя нерасплавленные руды получилъ плату и по ходатайству Воронцова награжденъ чиномъ прапорщика, а впоследствии произведенъ въ подпоручики. *).

Дальнѣйшія работы по эксплуатаціи рудника показали, что рудное мѣстороженіе въ подземной своей части далеко не соответствовало наружному богатству выходовъ серебро-свинцовой руды; главную массу жилы составляла не серебро-свинцовая, а цинковая руда, но правительству, согласно воли Императора Николая I, нуженъ былъ свинецъ для потребностей арміи, а не цинкъ, производство котораго во время основанія Алагирскаго завода и не могло быть введено по многимъ причинамъ. Съ переходомъ же Садонскаго мѣсторожденія въ руки частной компаніи на первый планъ поставлена разработка цинка. Дѣло рассчитано на широкую ногу. Въ Владикавказѣ построекъ большой горно-химическій заводъ, въ Мизурѣ, между Садономъ и Алагиромъ по той же военно-осетинской дорогѣ, воздвигнуты зданія рудообогатительнаго завода.

Одновременно съ расширеніемъ и переустройствомъ эксплуатаціи Садонскаго мѣсторожденія, въ разныхъ мѣстахъ горной

*) «Терск. Сборн.» вып. V. С. Алагиръ. С. И. Толмачева.

Осетіи возникаютъ новыя горнопромышленныя предпріятія. Порохъ и динамитъ рвутъ скалы и обнажаютъ подземныя сокровища; по неприступнымъ горамъ стучить тяжелая кирка рудокопа. Сбылось поэтическое пророчество Лермонтова:

И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и золото,
Врѣжетъ страшный путь..

Страшенъ ли дѣйствительно этотъ путь?... Да, страшенъ для того простого пастушескаго строя, при которомъ такъ мало было нужно для полнаго счастья бѣднаго горца. Подъ стремительнымъ натискомъ капитала уже началось крушеніе этого строя. Въ дымныя сакли изъ заводскихъ конторъ быстро проникаетъ цивилизація; перчатки, зонтики, мыло, духи уже водворяются по сосѣдству съ священной цѣпью надъ патриархальнымъ очагомъ. Станетъ ли отъ этого жизнь легче и милѣй для горца—покажетъ будущее.

На крутизнахъ высокихъ скалъ, въ суровыхъ оврагахъ, ущельяхъ и по лощинамъ лѣнятся осетинскіе аулы, по преимуществу обширные и многолюдные. Живописны жилища, разбросанныя безъ всякаго порядка между рощами и деревьями, подъ тѣнью которыхъ прохлаждаютъ себя обитатели въ жаркое время. Впрочемъ такимъ временемъ осетины пользуются вообще очень немного. Съ наступленіемъ сентября въ большей части Осетіи настаетъ уже зима;—еще недѣля—зашумѣли выюги и все кругомъ занесено снѣжными сугробами. Въ такое время осетинскіе аулы дѣлаются островами, отдѣленными отъ всего міра, и населеніе скучивается въ своихъ жилищахъ.

Жилища осетинъ не одинаковы и не однообразны. Въ мѣстахъ безлѣсныхъ дома и прочія хозяйственныя пристройки складываются изъ плитняка безъ глины, а въ ущельяхъ, изобилующихъ лѣсомъ, строятся изъ дерева.

Каменный домъ имѣетъ видъ замка въ два или три этажа, съ высокими башнями и плоскою земляною крышею. Часто домъ осетина однимъ своимъ фасомъ вдѣланъ въ гору, такъ что задняя стѣна и часть боковыхъ образуются земляною или скалистою стѣною горы. Потолокъ нижняго этажа, въ которомъ преимущественно содержится скоть, служитъ поломъ для второго, сообщающагося съ дворомъ посредствомъ внѣшней лѣс-

ницы, идущей на площадку, образуемую нижнимъ выдающимся впередъ этажемъ. Во второмъ этажѣ живутъ сами осетины, а верхній, если онъ есть, предназначается частью для приѣма гостей, частью служитъ вмѣсто кладовой. Небольшія четырехольныя отверстія безъ рамъ замѣняютъ окна.

Большая часть деревянныхъ домовъ или саклей строится въ видѣ сараевъ и часто состоитъ изъ плетня, смазаннаго съ обѣихъ сторонъ глиной, съ досчатою крышей, поверхъ которой настиляется очень рѣдко дрань, а больше солома, поддерживаемая жердями. Если осетинъ въ саклѣ, то навѣрно подлѣ очага, у котораго онъ проводитъ день и ночь. Очагъ считается священнымъ мѣстомъ, на которомъ стараются сохранить постоянный огонь. Каждая хозяйка поддерживаетъ огонь въ своемъ очагѣ и придаетъ его неугасимости особенное значеніе. Надъ очагомъ, въ потолкѣ сакли, сдѣлано дымное отверстіе, а близъ него, къ тому же закопченому дымомъ потолку, прикрѣплена цѣпь, на которой виситъ котелъ, служащій для приготовленія пищи. Въ самой комнатѣ разбросаны кадки съ масломъ, бурдюки съ сыромъ, длинныя скамейки и рогожи, сплетенныя изъ особой породы болотистаго растенія и составляющія почти все внутреннее убранство сакли, гдѣ вонь, пыль и нечистота—главнѣйшіе обитатели и равноправные хозяева съ семействомъ осетина.

Осетинъ не умѣетъ, подобно прочимъ горцамъ, сидѣть на полу, поджавши подъ себя ноги, и потому въ саклѣ его почти всегда есть нѣчто въ родѣ кресла о трехъ ножкахъ, или скамья, или родъ дивана, или наконецъ просто обрубокъ, тренога и проч. У нѣкоторыхъ имѣются кровати, по устройству похожія на европейскія, на которыхъ кучею навалены перины и подушки.

Основу семейнаго и общественнаго быта составляетъ солидарность членовъ семьи, руководимыхъ старшимъ. Уваженіе къ старшему по возрасту считается священнымъ долгомъ каждаго осетина; нарушеніе этого правила строго порицается общественнымъ мнѣніемъ.

Назначеніе жевщины въ семьѣ, особенно съ выходомъ ея замужъ, заключается въ томъ, чтобы служить мужу, ничего не требуя для себя. Поэтому внѣшнія отношенія мужа къ женѣ грубы и суровы. Мужъ никогда не называетъ ее по имени, замѣняя его мѣстоименіемъ «ты» или «она». Говоритъ другимъ

о своей женѣ вообще не принято, но если приходится, то мужъ говоритъ о ней такъ, чтобы никто не заподозрилъ его въ нѣжности. Съ ней заговорить, поспорить, пошутить, спросить совѣта, вообще всякое проявленіе человѣческихъ чувствъ къ женѣ въ присутствіи другихъ—считается позоромъ. Жена тоже никогда не назоветъ мужа по имени; мало того, она не имѣетъ права называть именъ всѣхъ родственниковъ мужа, а еслибы назвала кого, даже заочно, то это для названнаго считается большимъ оскорбленіемъ. Если бы кто спросилъ жену, какъ зовутъ ея мужа, она смѣясь отвѣтитъ: «не знаю», или же укажетъ одноименнаго съ ея мужемъ общаго знакомаго и скажетъ, что зовутъ также, какъ и его. Жена не сопровождаетъ своего мужа въ поѣздкахъ; когда же жена и мужъ встрѣтятся случайно въ обществѣ, они приходятъ въ замѣшательство и стараются показать, что не замѣчаютъ другъ друга. Если бы пришлось въ одно и тоже время итти къ знакомымъ или родственникамъ, мужъ не долженъ сопровождать жену, если она не хочетъ сдѣлаться предметомъ осужденій и насмѣшекъ. Однако хотя мужъ при другихъ относится къ ней невнимательно, но въ домѣ съ глазу на глазъ обращается съ нею гораздо ласковѣе.

Занятія мужчины и женщины въ семьѣ рѣзко разграничены. Всѣ полевые работы и вообще вся тяжелая работа лежатъ на обязанности мужчинъ; за то вся домашняя работа остается женщинѣ, и, нужно отдать ей справедливость, она чрезвычайно старательно и аккуратно выполняетъ свое дѣло. Мужъ при живой женѣ, по обычаю, имѣетъ право жениться, конечно, безъ совершенія таинства, на другой для того, чтобы оставить потомство. Если умретъ у молодой жены мужъ, но семья не желаетъ освободить вдову для выхода замужъ за другого, то къ ней приглашаютъ совершенно посторонняго сожителя, и такая связь не считается безнравственной, а дѣти отъ этого сожителства приобрѣтаютъ фамилію законнаго мужа и всѣ права законныхъ дѣтей. Вообще при совершеніи брачныхъ союзовъ къ таинству брака относятся, какъ къ дѣлу необязательному.*)

Корреспондентъ «Терскихъ Вѣдомостей» разсказалъ, на примѣръ, такой случай, имѣвшій мѣсто въ сел. Гизель, подѣ

*) «Терск. Сборн.» вып. V. Ст. Черноярская. З. Сосіева.

самымъ Владикавказомъ: засватавъ дѣвушку, женихъ обратился къ священнику совершить обрядъ вѣнчанія, такъ какъ молодые люди были православными. Случилось это во время великаго поста и священникъ отказалъ въ просьбѣ. Тогда молодые люди, не желая откладывать дѣло, сыграли свадьбу безъ всякаго вѣнчанія, и общественное мнѣніе, конечно, признало бракъ законнымъ.

Воспитаніе дѣвочекъ лежитъ на обязанности матери, а мальчики съ возраста 8--9 лѣтъ попадаютъ подъ исключительное вліяніе отца. При воспитаніи дѣтей имъ прежде всего внушается кодексъ внѣшнихъ приличій: при старшихъ не выражать своихъ сужденій, оказывать старшему всевозможныя услуги, уступать старшему мѣсто, когда онъ подходитъ, и не садиться безъ приглашенія. Почтеніе дѣтей къ родителямъ чрезвычайно велико: сынъ при отцѣ въ присутствіи постороннихъ никогда не сядетъ, никогда не ввяжется въ разговоръ, а говоритъ только тогда, когда его спросятъ. Отношеніе родителей къ дѣтямъ въ семьѣ мягкое, но въ обществѣ отецъ при постороннихъ никогда не приласкаетъ своего ребенка, не обратится къ нему и показываетъ видъ, что не замѣчаетъ его. Если маленькій ребенокъ тянется къ нему, и то уже ставится въ упрекъ: часто, молъ, нянчить его. Если-бы даже случилось несчастіе съ сыномъ, и тогда отецъ не долженъ вмѣшиваться, если при этомъ присутствуютъ посторонніе люди. Насколько строго соблюдался этотъ обычай, г. Сосіевъ разсказалъ слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто въ 1874 г. въ ст. Чернойрской, вышедшей изъ Дигоріи и сохранившей обычай горныхъ осетинъ. Отецъ купается въ рѣкѣ, а недалеко отъ него работникъ наливаетъ воду въ бочку, уложенную въ арбу. Сынъ хозяина залѣзъ также на арбу, но въ это время бочка съ арбой опрокидывается и придавливаетъ мальчика. Работникъ кричитъ хозяину о несчастіи съ его сыномъ, но отецъ, въ силу обычая, не имѣя права самъ помочь и спасти сына, кричитъ на берегъ другимъ людямъ, что тамъ, молъ, мальчикъ тонетъ. Мальчикъ едва не сдѣлался жертвой требуемой обычаемъ сдержанности своего отца.*) Обычай этотъ въ настоящее время большинствомъ не соблюдается, тѣмъ не менѣе отецъ, говоря о сынѣ въ обществѣ, никогда не скажетъ: «мой сынъ», а назоветъ его «нашъ мальчикъ».

*) «Терск. Сборн.» вып. V.

Среди построекъ въ горной Осетии часто встрѣчаются остроконечныя каменные башни. Такія же башни встрѣчаются въ Чечнѣ, горскихъ обществахъ Кабарды и Южномъ Кавказѣ. Осетинскія башни отличаются и отъ чеченскихъ, и отъ кабардинскихъ; на чеченскихъ, гораздо лучше сохранившихся, часто встрѣчаются кресты, высѣченные на западной и восточной стѣнахъ; кабардинскія башни, когорыми особенно богато Балкарское ущелье, населенное древнѣйшими изъ тюркскихъ горскихъ обществъ, также имѣютъ нерѣдко на стѣнахъ кресты, но другой формы, напоминающей нашъ Андреевскій крестъ, и въ большинствѣ сохранились также лучше осетинскихъ; въ верхней части онѣ имѣютъ расширеніе, тогда какъ чеченскія — строго выраженной пирамидальной формы.

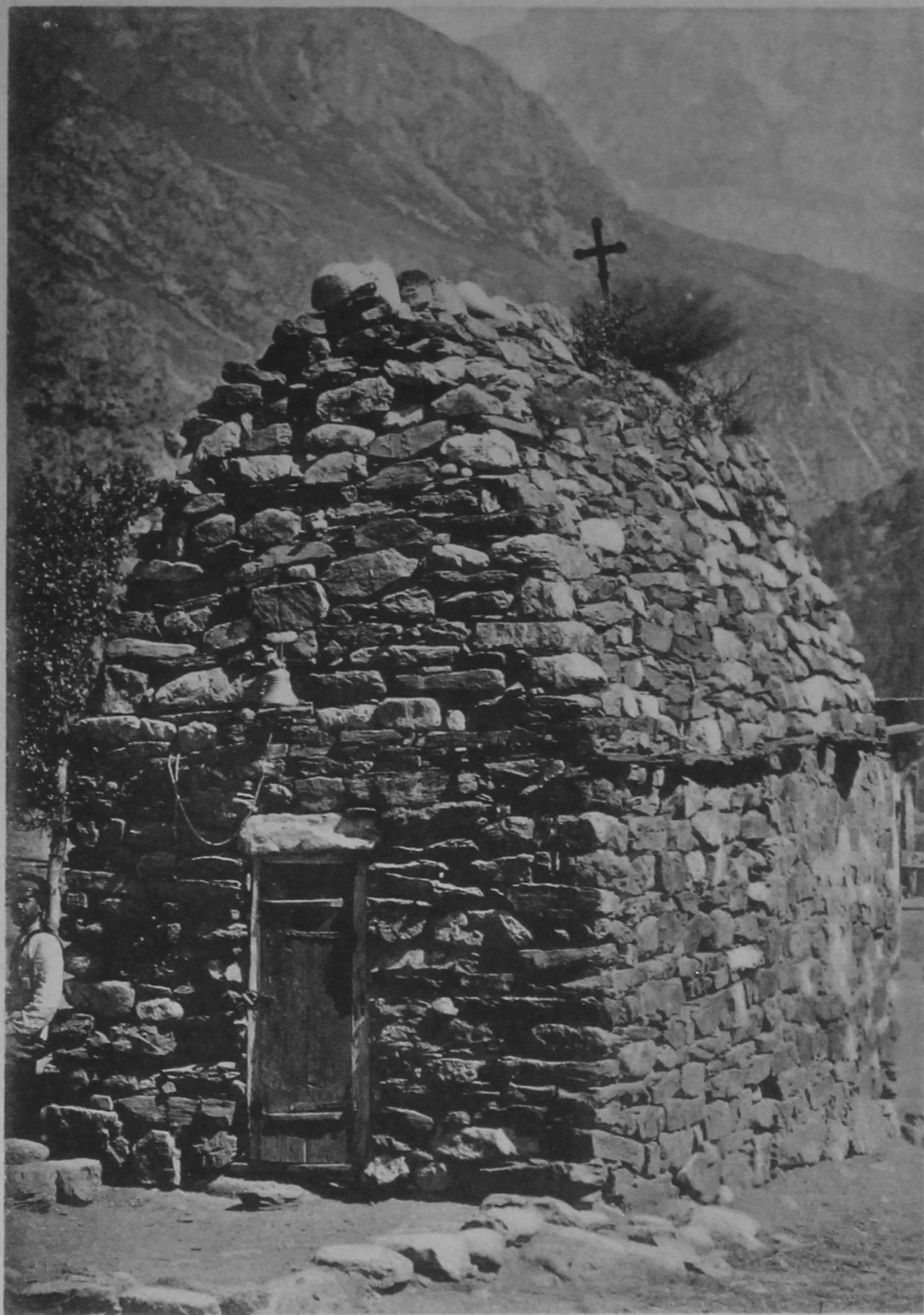
На вопросъ, къ какому времени относится постройка этихъ башенъ, ученые изслѣдователи отвѣчаютъ только приблизительно, причемъ выводы ихъ основываются исключительно на народныхъ преданіяхъ, за отсутствіемъ какихъ либо историческихъ указаній. Но историческая память у нашихъ горцевъ чрезвычайно коротка, въ ихъ преданіяхъ очень много анахронизмовъ, и потому полагаться на нихъ особенно не слѣдуетъ. Сами осетины — старики опредѣляютъ время постройки башенъ за 250—300 лѣтъ тому назадъ, вѣроятно потому, что этотъ періодъ имъ кажется черезчуръ отдаленнымъ. Профессоръ Миллеръ приводитъ преданія, записанныя со словъ Таубія Хаджи Шаханова и со словъ Эфенди Абаева о происхожденіи родоначальниковъ привилегированныхъ фамилій въ Дигоріи и Балкаріи, которымъ и приписывается постройка первыхъ башенъ. Но эти преданія имѣютъ много вариантовъ, первоначальная чистота ихъ засорена позднѣйшими добавленіями и вымыслами, а потому полагаться на ихъ правдоподобность было бы очень рисковано.

Кромѣ башенъ въ горной Осетии встрѣчается множество каменныхъ часовенъ разныхъ видовъ и формъ, однѣ болѣе, другія менѣе сохранившіяся, сложенныя чаще всего изъ каменнаго плитняка, рѣже изъ деревянныхъ брусевъ. Чтобы опредѣлить значеніе этихъ сооруженийъ въ религіозномъ культѣ осетинъ, необходимо предварительно сказать нѣсколько словъ о судьбѣ ранняго христіанства въ Осетии и о религіозныхъ понятіяхъ осетинъ.

Сооруженіе всѣхъ древнихъ христіанскихъ церквей тузем-

ное населеніе, по словамъ профессора Миллера, подробно изслѣдовавшаго религіозныя вѣрованія осетинъ, приписываетъ царицѣ Тamarъ. Въ основаніи этого народнаго мнѣнія лежитъ тотъ историческій фактъ, что христіанство было распространяемо среди предковъ нынѣшнихъ осетинъ грузинскими миссіонерами въ періодъ процвѣтанія Грузіи, къ которому относится и вѣкъ царицы Тамары (1184—1212). Нѣтъ сомнѣнія, что при ней христіанская пропаганда была особенно успѣшна въ горахъ Осетіи, хотя, конечно, многія изъ церквей могли быть построены и раньше и значительно позже царствованія этой популярной грузинской царицы.

Однако внесенное изъ Грузіи христіанство, вслѣдствіе слабой связи осетинъ, жившихъ по эту сторону хребта, съ Грузіей, мало по малу заглохло, смѣшалось съ прежними языческими вѣрованіями, которыя не могли быть вытѣснены усиліями грузинскихъ миссіонеровъ, и изъ этой смѣси христіанства съ язычествомъ образовался характерный типъ двоевѣрія, который и до сихъ поръ сохраняется въ народѣ, туго поддаваясь просвѣтительнымъ усиліямъ духовенства. Христіанство коснулось осетинъ самымъ поверхностнымъ образомъ и притомъ не своей внутренней, нравственной стороной, а только внѣшней обрядностью. Нравственный складъ осетина, называетъ ли онъ себя христіаниномъ или мусульманиномъ, сложился изъ понятій, выработавшихся вѣками въ родовомъ быту, и въ этотъ плотно замкнутый кругъ христіанство еще не успѣло пробить себѣ входа. Христіанская мораль мало извѣстна осетину, противорѣчитъ во многомъ его понятіямъ, а христіанская догматика ему совершенно непонятна. Принимая христіанство, осетинъ исполняетъ нѣкоторые обряды, крестится, соблюдаетъ посты и праздники, иногда ходитъ въ церковь, упоминаетъ имя Христа и нѣкоторыхъ святыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ справляетъ и прежніе языческіе обряды, совершаетъ моленія языческимъ святымъ, приноситъ кровныя жертвы—барановъ, козловъ, быковъ—по извѣстнымъ днямъ и при этомъ не думаетъ, чтобы его прежніе обряды были не согласимы съ новыми, которые ему указываетъ духовенство. Академикъ Дубровинъ говоритъ: «Всѣ правила и церковныя обряды у осетинъ перемѣшаны и перепутаны; христіане исполняютъ многіе языческіе обряды, брѣютъ голову и совершаютъ омовеніе,

Древній храмъ въ Нузалѣ.

магометане, принадлежащіе къ сунитской сектѣ, ѣдятъ свинину, пьютъ вино и смѣются надъ своими обрядами».

Выше я уже приводилъ случай, какъ отнеслись христіане женихъ и невѣста въ сел. Гизель къ отказу священника повѣнчать ихъ во время великаго поста. Мнѣ извѣстны еще случаи, когда осетинъ христіанинъ не думаетъ о крещеніи родившихся у него дочерей только потому, что не знаетъ, какого жениха пошлетъ ей судьба: христіанина или магометанина? Въ зависимости отъ этого дочь его будетъ держаться той или другой религіи.

Священные мѣста, на которыхъ совершается въ извѣстное время года моленіе (кувдъ), носятъ у осетинъ общее названіе дзуаровъ; слово *дзуаръ*— ничто иное, какъ грузинское названіе креста (джвари). Многіе изъ дзуаровъ представляютъ развалины древнихъ христіанскихъ церквей и часовенъ, но большинство восходитъ къ другимъ источникамъ: дзуаромъ называется мѣсто и даже предметъ, которые носятъ, по мнѣнію туземцевъ, чудесный характеръ. Суевѣрное воображеніе осетина склонно всюду въ окружающей природѣ видѣть чудесное: все, выходящее изъ ряда, все, чѣмъ нибудь подѣйствовавшее на его воображеніе, можетъ стать для него предметомъ кувда—дзуаромъ. Роща, связанная съ древнимъ преданіемъ, отдѣльно стоящее раскидистое дерево, пещера, оригинальнаго вида камень, древняя могила, приписываемая какому нибудь нарту (богатырю). минеральный ключъ—все это, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ принять священный характеръ. Не мудрено поэтому, что въ каждомъ осетинскомъ селеніи встрѣчаются самые разнообразныя дзуары. Нѣкоторые изъ нихъ, на примѣръ Рекомъ, о которомъ будетъ сказано ниже, извѣстны во всей Осетіи и посѣщаются тысячами поклонниковъ; другіе извѣстны только одному аулу; но есть и такіе, которые составляютъ предметъ поклоненія одной семьи или одного рода.

Обряды, сопровождающіе празднество въ честь того или другого дзуара, почти тождественны во всей Осетіи. Назначенному дню предшествуетъ заготовленіе пищи для жертвоприношенія и пирушки. Необходимое приношеніе составляютъ такъ называемыя *чирри*—лепешки изъ пшеничной муки, начиненныя сыромъ или сушенымъ саломъ; эти лепешки обязательны даже въ томъ случаѣ, когда приносится животная жертва. Изъ питей должны быть заготовлены для праздника:

брага, пиво или арака. Съ этими припасами и со скотомъ, обрекаемымъ на жертвоприношеніе, жители аула отправляются къ священному мѣсту. Культъ, совершаемый около дзуара, состоитъ изъ закланія жертвы и обрядовой пирушки. Закланіе жертвы сопровождается извѣстными обрядами. Во время пиршества поются пѣсни, въ которыхъ поминается имя чествуемаго святого.

Народное религіозное мировоззрѣніе признаетъ многобожіе. Верховнымъ божествомъ считается Хцау, имя котораго всегда на языкѣ осетина. Представленіе о немъ соотвѣтствуетъ христіанскимъ понятіямъ о Единомъ Богѣ, Творцѣ вселенной, но осетины имѣютъ очень смутное понятіе о своихъ обязанностяхъ къ нему и въ молитвахъ обыкновенно обращаются къ избраннымъ своимъ патронамъ. Извѣстна народу и Божія Матерь, которую они называютъ Майрамъ и совершаютъ ей спеціальныя моленія. Въ большомъ почетѣ у нихъ Св. Георгій (Уастырджи, по дигорски Уаскерги), Св. Илья (Уацилла, Эліа), Св. Николай (Никкола), Св. Ѳеодоръ Тиронъ (Тутыръ) и нѣк. другіе; но всѣ эти святые у осетинъ получили свойства и значеніе языческихъ боговъ. Наконецъ, есть чисто языческіе боги, изъ которыхъ наибольшимъ почетомъ пользуется богъ охоты—Овсати.

Большою извѣстностью у всѣхъ осетинъ пользуется церковь Св. Георгія въ аулѣ Нузалѣ. Церковь сложена на извести изъ мѣстнаго нетесаннаго камня. Очень вѣроятно, что она была оштукатурена извнѣ, какъ и внутри. Теперь штукатурка повывѣтрилась и церковь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дала значительныя трещины. Низкая узкая дверь ведетъ внутрь храма, освѣщеннаго тремя маленькими окнами, однимъ въ абсидѣ и двумя въ обѣихъ продольныхъ стѣнахъ. Сводъ въ храмѣ стрѣльчатый, карнизъ изъ черепицы или шифера, на стѣнахъ и фасадѣ слѣды роговъ. Церковь имѣетъ снаружи 3 метра 20 сант. ширины, 5 метр. 63 сант. длины и 5 метр. 3 сант. вышины. Внутренность ея расписана фресками по штукатуркѣ, которая, къ сожалѣнію, во многихъ мѣстахъ обвалилась. Характеръ живописи—грузинскій: святые—въ грузинскихъ одеждахъ, имена ихъ написаны грузинскими буквами. Надъ входною дверью по бѣлому фону киноварью обыкновенный византійскій осмиконечный крестъ съ арабесками; у креста грузинская надпись. Фрески раздѣлены красной полосой на

два пояса, изъ которыхъ нижній, въ особенности по правую руку отъ двери, совершенно погибъ вслѣдствіе отпавшей штукатурки. Алтарная живопись также дѣлится на верхній и нижній поясъ. Наверху—поясной Иисусъ Христосъ, благословляющій правой рукой и держащій Евангеліе въ лѣвой; верхняя риза Спасителя—голубая. Направо—Богородица въ красной ризѣ, за Нею Архангелъ въ императорскомъ костюмѣ и съ державой въ рукѣ. Налѣво Іоаннъ и Архангелъ въ лиловой далматикѣ и проч. Въ нижнемъ алтарномъ поясѣ шесть святителей въ бѣлыхъ ризахъ, съ омофорами, съ черными крестами и съ Евангеліями въ рукахъ. Нынѣшній полъ церкви деревянный и насланъ слишкомъ высоко, такъ что онъ закрываетъ часть живописи. Маленькій иконостасъ съ одними царскими дверями, вѣроятно, новаго происхожденія и не стоитъ на своемъ мѣстѣ, такъ какъ разсѣкаетъ на двое одну изъ пяти фигуръ. Вообще, очень вѣроятно, что церковь эта по своей тѣснотѣ служила или часовней или назначалась первоначально въ усыпальницы. Время построенія церкви не извѣстно, документовъ у осетинъ нѣтъ пока никакихъ, но въ исторіи и преданіяхъ о церкви этой часто говорится. Во всякомъ случаѣ она построена не раньше X в., такъ какъ до этого вѣка держава на изображеніяхъ Архангела не писалась.

Отъ прежнихъ надписей, существующихъ въ Нузальской церкви, въ настоящее время сохранилось очень немного. По свидѣтельству граф. Уваровой, надпись подъ фигурой охотника содержитъ имя Сосланъ (2-й мужъ царицы Тамары). По словамъ покойнаго д-ра Пфафа, имя «Сосланъ» читается между 3-ей и 4-й фигурами на лѣвой-же стѣнѣ. Подъ фигурой св. Георгія грузинскій археологъ Д. З. Бакрадзе прочелъ имя Суарегъ. Личность этого Суарега, изображеннаго въ видѣ Св. Георгія, остается загадочной.

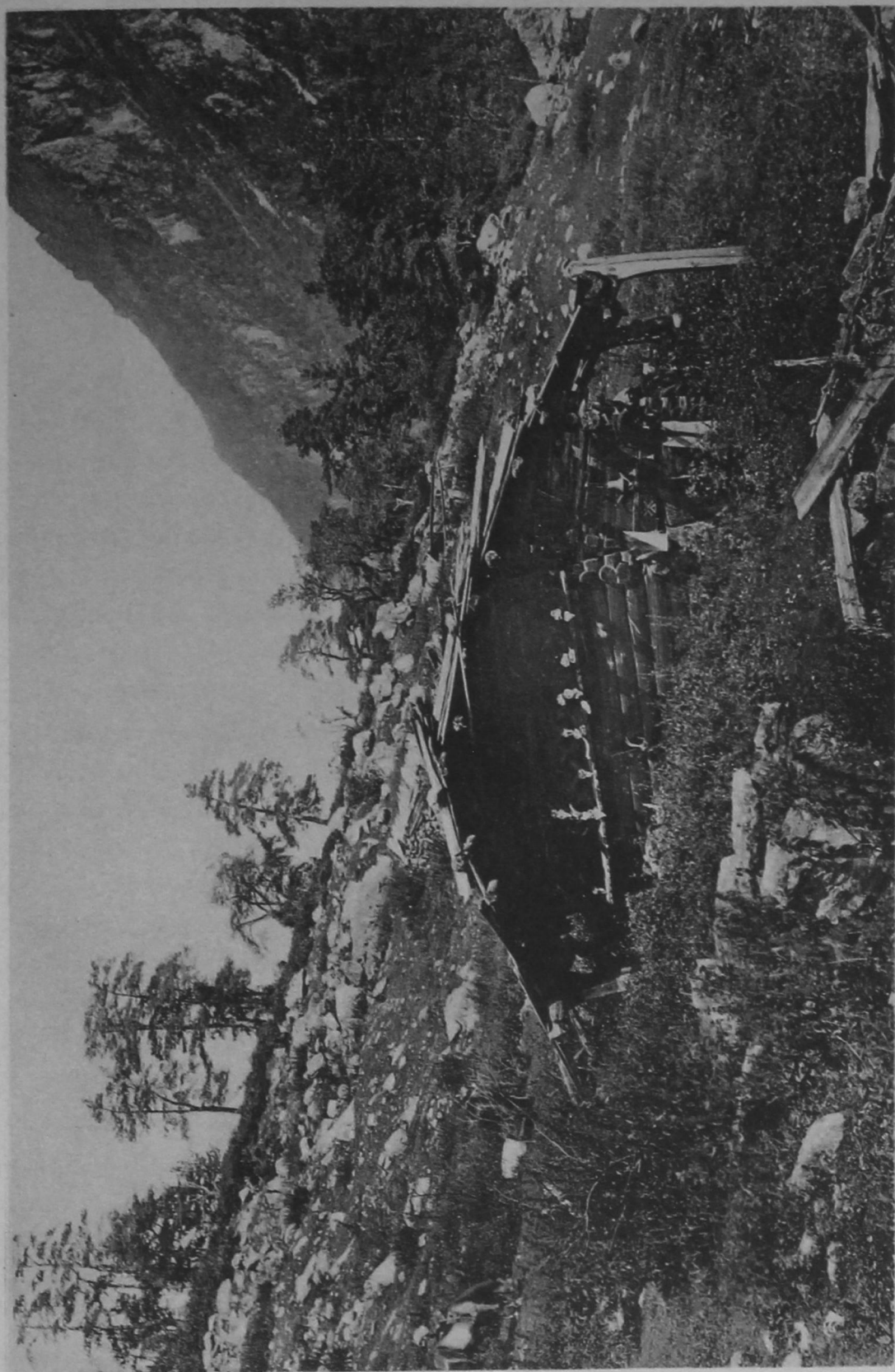
Осетины увѣряютъ посѣтителей церкви, что прежде въ ней существовала еще надпись, въ которой упоминался національный герой осетіи Оси-багатаръ (жившій въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка) и его братья, но будто надпись эта была уничтожена нарочно какимъ-то священникомъ Николо Самаргановымъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ будто-бы увезъ изъ развалинъ древняго пещернаго монастыря, находящагося недалеко отъ Нузала, какіе-то документы и драгоценности. Грузинская надпись объ Оси-багатарѣ, будто бы находившаяся въ

Нузальской церкви, дѣйствительно была доставлена барону Розенкампу и черезъ его посредство напечатана съ французскимъ переводомъ въ *Journal Asiatique* въ 1830 году. Однако въ настоящее время нѣтъ сомнѣнiя, что эта надпись подложная, такъ какъ ея содержанiе противорѣчитъ историческимъ даннымъ. По замѣчанiю граф. Уваровой, «сочинители надписи, вѣроятно, не видѣли церкви, ибо, разъ посѣтивши ее, они не могли бы не замѣтить физической невозможности помѣстить въ ней длинную надпись, которую они ей приписываютъ».

Но самой большой популярностью у осетинъ пользуется дзуарь Рекомъ. Онъ посвященъ св. Георгию и находится близъ Цейскаго аула, почти у самаго Цейскаго ледника.

Рекомъ—родъ деревянной постройки, сильно выросшей въ землю съ одной стороны и весьма похожей на швейцарскiй шалэ. Главная часть зданiя срублена въ шипы, какъ наши избы; къ ней приставлена пристройка, въ которой продѣлана дверь; низкая деревянная крыша спускается широкимъ навѣсомъ, который покоится на деревянныхъ колоннахъ. Слѣги, поддерживающiя крышу, заканчиваются коньками, рѣзанными изъ дерева и украшенными продольными насѣчками. Полка, придѣланная къ внѣшней поперечной стѣнѣ храма, равно какъ и навѣсъ, устроенный вдоль него, завалены и заставлены рогами и черепами туровъ, оленей и барановъ; самъ храмъ убранъ ими по сторонамъ. Между рогами раньше находились вещи: бронзовые перначъ и ритонъ, персидскiй коврикъ, чашка съ монетами, бусами, серьгами, желѣзные кресты и подковы,—но теперь все это исчезло, растасканное туристами. Надъ дверью висятъ два бронзовыхъ колокола (раньше было три). На одномъ грузинская надпись, которая д-ру Пфафу (въ 1869 г.) его проводникомъ была переведена слѣдующимъ образомъ: «Мы, великаго царя сынъ Георгiй, принесли этотъ колоколъ и молитвенникъ (?) св. отцу, отцу св. Осетинской и Дигорской стороны, за спасенiе нашей души и побѣды надъ нашими врагами». Низенькая, но тяжелая, окованная рѣзнымъ желѣзомъ дубовая дверь ведетъ въ пристройку или сѣни храма, другая, такая же, изъ сѣней въ самый храмъ. Внутренняя дверь украшена посрединѣ крестомъ.

Пристройка (или сѣни) почти до верха завалена стрѣлами. Самый храмъ представляетъ низкiй четверугольный срубъ, не болѣе десяти или двѣнадцати шаговъ въ квадратѣ; освѣща-

Святелище „Рекомъ“.

ется онъ двумя маленькими, прорубленными на западъ и востокъ, окошечками. Стѣны и потолокъ обвѣшаны большимъ ковромъ и разнымъ платьемъ, превратившимся отъ времени въ лохмбѣтя. Пространство у стѣнъ было завалено и заставлено разными приношеніями: чашами, кадилницами, иконами, маленькими ларцами, серьгами, гривнами, глиняными фигурами барашковъ, стаканами, бусами, кусками ваты и проч., но значительная часть этихъ предметовъ теперь расхищена. Тутъ же находился знаменитый шлемъ осетинскаго героя Оси-багата, жившаго въ XIV столѣтіи. Миссорка шлема стальная; вдоль лба идетъ накладная пластинка; пространство для глазъ вырѣзано; забрало и назатыльникъ изъ легкой плетеной кольчуги. Сохранился ли этотъ шлемъ до нашихъ дней, мнѣ неизвѣстно; но въ 1895 г. я его видѣлъ. Д-ръ Пфафъ въ своемъ описаніи Рекома упоминаетъ еще копье и колчанъ со стрѣлами, находившіеся во время его посѣщенія въ этомъ святилищѣ; но ни гр. Уваровой (въ 1879 г.), ни проф. Миллеру (въ 1880 г.) уже не удалось ихъ разыскать. На восточной сторонѣ храма замѣтно на потолкѣ что-то въ родѣ деревянной полосы съ остатками стрѣльчатыхъ рѣзныхъ деревянныхъ арокъ — можетъ быть, остатки иконостаса.

Неизвѣстно, къ какому времени относится постройка храма Рекома, но нельзя не замѣтить, что трудно было выбрать мѣсто болѣе живописное, болѣе располагающее къ мыслямъ о ничтожествѣ человѣка передъ величіемъ природы. Узкая долина, по дну которой несетъ ледяной Цейдонъ, замыкается со всѣхъ сторонъ высокими горами, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ. По нижнему склону стелется густой лѣсъ, въ которомъ шумитъ цѣлая сѣть ручейковъ, вытекающихъ изъ Цейскаго ледника. Какіе бы народы не жили въ этихъ мѣстахъ, они должны были невольно выбрать для своей бесѣды съ небомъ это таинственное, чудное мѣсто. Мѣстныя преданія упоминаютъ о существованіи грузинскаго монастыря въ Рекомѣ и производятъ нѣкоторыя семейства въ аулѣ Цей отъ грузинскаго духовенства.

О построеніи часовни ходитъ слѣдующая легенда: въ древнія времена Уастырджи рѣшилъ выстроить для осетинъ святилище изъ бревенъ, которыя никогда не подвергались бы гніенію. Такимъ свойствомъ отличались деревья въ лѣсу по ту сторону горъ. Уастырджи приказалъ своимъ воламъ перевозить

оттуда бревна черезъ гору противъ Рекома, гдѣ нынѣ ледникъ. Арбы нагружались сами собою, и волы шли безъ проводника по назначенному пути. Сложивъ лѣсъ, волы вернулись къ Уастырджи, а изъ бревенъ выстроился храмъ самъ собою безъ помощи человѣческихъ рукъ.

Въ виду необычайной святости Рекома во всей Осетіи и его положенія въ глуши, близъ одного изъ величайшихъ ледниковъ Кавказа, можно думать, что это святилище восходитъ еще къ языческимъ временамъ. Вѣроятно, какъ часто бывало, христіанскіе миссіонеры освятили прежнее капище построеніемъ на его мѣстѣ христіанскаго храма; но вслѣдствіе слабаго вліянія христіанства на осетинъ, языческій элементъ пересилилъ, св. Георгій принялъ характеръ прежняго языческаго бога, и въ настоящее время о христіанскомъ храмѣ сохранилось лишь смутное воспоминаніе.

Осетины собираются къ Рекому разъ въ годъ и справляютъ праздникъ св. Георгію въ Троицынъ день. Очень жаль, что этотъ драгоцѣнный памятникъ осетинской старины потерялъ уже много своихъ сокровищъ. Спасти его для исторіи и науки можетъ только перенесеніе въ мѣстный музей; иначе онъ окончательно разрушится, расхитится и пропадетъ безвозвратно.

Наряду съ многочисленными дзуарами по всей Осетіи разсѣяны небольшія сооруженія, по внѣшнему виду напоминающія также часовни и церковки; это—надземныя могилы, фамильныя усыпальницы для мертвыхъ, которыхъ не закапывали въ землю, а прямо клали въ эти маленькіе дома для покойниковъ. Всего чаще встрѣчались намъ усыпальницы, по осетински *заппадз*, напоминающія крышу избы, но съ выпуклыми боками. Онѣ сложены изъ массивныхъ, грубо отесанныхъ камней на извести. Внутри такія усыпальницы представляются небольшою комнатою со стрѣльчатымъ потолкомъ. Въ передней стѣнкѣ заппадза продѣлано небольшое окно, чрезъ которое вдвигали трупъ на шиферной доскѣ.

Второй типъ заппадзовъ представляетъ родъ каменныхъ домиковъ, покрытыхъ двускатной или пирамидальной крышей, выведенной изъ рядовъ камней, чередующихся съ рядами сланцевыхъ плитъ. При осмотрѣ одной изъ такихъ усыпальницъ, весь полъ оказался покрытъ костями нѣсколькихъ покойниковъ, которыхъ послѣдовательно принимала эта семей-

ная усыпальница. У правой стѣны широкая шиферная доска, на которой распростертъ муммизированный отъ дѣйствія воздуха трупъ человѣка; мускулы плотно присохли къ костямъ; на трупѣ лоскутья истлѣвшей рубахи.

Изрѣдка встрѣчаются западзы, напоминающіе формой громадныя коническія ядра.

Кромѣ надземныхъ усыпальницъ древнее населеніе Осетіи пользовалось и естественными пещерами для погребенія покойниковъ. Такая погребальная пещера существуетъ, напримеръ, недалеко отъ аула Генала въ горѣ, на значительной высотѣ. У входа въ пещеру стоитъ рубленный дубовый гробъ въ направленіи съ сѣверо-запада на юго-востокъ, съ беспорядочной грудой костей отъ одного скелета. Крыша гроба состояла изъ досокъ, въ настоящее время уже снятыхъ.

Происхожденіе западзовъ объясняется какъ представленіями осетинъ о загробной жизни, такъ равно и причинами чисто экономическими. Крайній недостатокъ удобной для обработки земли въ горахъ заставляеть осетинъ дорожить каждымъ клочкомъ ея, и устройство надземныхъ усыпальницъ избавляло его отъ необходимости портить землю для могилъ.

Чтобы покончить съ осетинскими сооруженіями, остается еще упомянуть о придорожныхъ памятникахъ, которые воздвигались и воздвигаются въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бы ихъ могли видѣть проѣзжающіе и почтить память покойнаго. Такіе памятники имѣютъ иногда видъ столбовъ, сложенныхъ изъ сланцевыхъ плитокъ; иногда представляютъ сложенные изъ кругляковъ и сланцевыхъ плитъ четырехъугольныя пирамиды съ нѣсколькими выпуклыми гранями, увѣнчанныя шишкой или деревянной развилкой въ видѣ роговъ. Иногда памятники представляютъ видъ двускатной крыши и напоминаютъ подобные же западзы. Самые распространенные памятники — это простые столбы изъ каменныхъ плитъ, которые такъ часто встрѣчаются по дорогамъ. Иногда столбы обдѣлываются въ одиночку или по нѣсколькимъ вмѣстѣ въ деревянные рамы; большинство ихъ расписывается грубымъ изображеніемъ человѣка, по контуру котораго располагаются рисунки газырей и оружія; внизу нерѣдко можно встрѣтить коня и даже кувшинъ для омовенія.

Такова природа, таковы люди и таковы историческіе памятники въ горной Осетіи. Что-же за народъ сами осетины, откуда они появились и отъ кого произошли?

Въ прежнее время о происхожденіи осетинъ существовало чрезвычайно много разнообразныхъ мнѣній. Одни изслѣдователи видѣли въ нихъ предковъ тецерешнихъ германцевъ, другіе относили ихъ къ финскимъ народностямъ, третьи къ семитамъ и т. д. и т. п. Но въ концѣ тридцатыхъ годовъ академикъ Шегренъ, изучивъ осетинскій языкъ, пришелъ къ убѣжденію, что по языку осетины должны быть отнесены къ иранской вѣтви индоевропейскихъ народовъ. Этотъ выводъ былъ вполне подкрѣпленъ филологическими изысканіями проф. В. Миллера и съ этого времени можетъ считаться въ наукѣ безспорнымъ.

Точныхъ указаній о томъ, кто были предки осетинъ, когда и гдѣ поселились они—до сихъ поръ нѣтъ. Проф. Миллеръ относитъ время появленія ихъ въ Европѣ приблизительно за тысячелѣтіе до Р. Х.

Въ настоящее время большинство изслѣдователей считаютъ аланъ, иначе — оссовъ или ясовъ прямыми предками осетинъ. Это многочисленное племя обитало, какъ указываютъ отрывочныя историческія сказанія, на громадномъ пространствѣ между сѣвернымъ склономъ Кавказскаго хребта и р. Кубанью, доходя даже до нижняго теченія Дона и побережья Крыма, а по другимъ сказаніямъ—отъ Уральскихъ до самыхъ Балканскихъ горъ.

Въ описаніяхъ аланъ въ IV вѣкѣ упоминается, что они вели въ это время кочевой образъ жизни и раздѣлялись на нѣсколько племенъ, имѣвшихъ своихъ предводителей или князей. Вся многовѣковая жизнь аланъ въ это время представляется рядомъ сплошныхъ войнъ, набѣговъ, разгромовъ, побѣдъ и пораженій. Въ случаѣ этихъ послѣднихъ, алане укрывались въ недоступныхъ и легко защищаемыхъ горныхъ ущельяхъ сѣвернаго склона Кавказскаго хребта. Въ Дарьяльскомъ ущельѣ грузинами были воздвигнуты, въ защиту отъ нападенія аланъ или оссовъ, особыя укрѣпленія и ворота, получившія въ послѣдствіи поэтическое названіе замка царицы Тамары.

Укрываясь въ этихъ ущельяхъ особенно съ тѣхъ поръ, когда ихъ начали тѣснить тюркско-татарскія и черкесскія племена (татары и кабардинцы), оссы однако не могли долго оставаться въ горахъ и, побуждаемые голодомъ, онова спускались на плоскость. Переходя также Кавказскій хребетъ, алане еще съ III-го вѣка распространились и по южному склону его

и образовали поселенія такъ называемыхъ южныхъ осетинъ. Попавъ подъ постоянное вліяніе Грузіи, они обособились отъ своихъ сѣверныхъ собратьевъ. Эти же послѣдніе стремились выдвинуться на плоскость Сѣв. Кавказа и, встрѣчая здѣсь сопротивленіе, вступали въ непрерывный рядъ битвъ и сраженій. Война сдѣлалась, такимъ образомъ, профессіей цѣлаго народа, который то сражался за свои интересы, то служилъ наемнымъ войскомъ для Грузіи или Византіи.

Въ началѣ IV вѣка св. Нина распространила христіанство въ Южной Осетіи. Къ этому же времени относится и вѣроятное водвореніе здѣсь феодальныхъ порядковъ, заимствованныхъ изъ Грузіи. Въ VI вѣкѣ Сѣверная Осетія находилась въ сношеніи съ Византіей, давшей уже сюда нѣсколькихъ христіанскихъ миссіонеровъ. До половины X вѣка осетины въ религіозно-духовномъ отношеніи подчинялись константинопольскимъ патріархамъ. Но въ 931 г., во время страшныхъ феодальныхъ смуть, всѣ священники были выгнаны изъ Осетіи, и христіанское вѣроученіе забылось.

Въ началѣ XI в. и въ сѣверную часть Осетіи успѣлъ проникнуть феодализмъ. Среди феодаловъ въ это время выдвинулись нѣсколько фамилій, именовавшихъ себя князьями. Одинъ изъ такихъ князей, Давидъ Сосланъ, вступилъ въ бракъ съ извѣстной грузинской царицей Тамарой, при которой въ Осетіи снова устанавливается христіанство, но уже подъ вліяніемъ грузинскихъ миссіонеровъ. Сильнѣйшій изъ феодаловъ (Ордуре) пользовался титуломъ царя. Подъ его властью Осетія достигла высшаго могущества: она вела дипломатическія сношенія съ сосѣдними державами, вступила въ родство своими царствующими фамиліями съ владѣтелями Грузіи, Абхазіи и даже Византіи. Осетія имѣла свою многочисленную и, говоря относительно, блестящую столицу, находившуюся, какъ полагаютъ, въ Куртатинскомъ ущельѣ, на рѣкѣ Фіагъ-донѣ. Подъ охраной власти въ странѣ появляются грузинскіе кушцы, которые и занимались здѣсь нѣкоторыми горными промыслами.

Этотъ временный блескъ осетинскаго царства скоро окончился. Въ немъ гнѣздились двѣ причины, повліявшія на его паденіе: взаимное соперничество между феодалами и ненависть къ послѣднимъ со стороны народа, съ испоконъ вѣковъ воспитавшаго въ себѣ демократическія начала и не хотѣвшаго признавать никакого сословнаго дѣленія. Подъ вліяніемъ этихъ

причинъ въ Осетіи снова вспыхнула кровавая борьба: съ одной стороны—феодаловъ между собой, а съ другой—народа съ феодалами. Взаимное истребленіе другъ друга, сопровождавшееся страшнымъ озлобленіемъ, привело къ тому, что масса народа была разорена и страшно обѣднѣла. Обездоленные люди образовали шайки абрековъ и снова вступали въ борьбу. Бывало и такъ, что особенно выдвинувшіеся и отличившіеся абреки сами дѣлались феодалами и защищали тогда уже не права народа, а свою власть. Подъ вліяніемъ такихъ усобицъ цѣлые роды проводили всю свою жизнь въ укрѣпленныхъ башняхъ, не смѣя, изъ боязни кровомщенія, показаться на вольный воздухъ. Вся эта вѣковая борьба заканчивается полнымъ подчиненіемъ Южной Осетіи власти грузинскихъ феодаловъ—князей Эристовыхъ и Мачабеловыхъ и историческій интересъ сосредоточивается по-преимуществу на Сѣверной Осетіи.

Здѣсь борьба съ феодалами имѣла лучший исходъ для народа. Громадное большинство пришлыхъ изъ Грузіи феодаловъ должны были покинуть свои насиженные разбойничьи гнѣзда и удалиться изъ Осетіи; осталось только нѣсколько осетинскихъ фамилій, но и ихъ власть значительно пошатнулась. Успѣшности народной борьбы помогли татарскія полчища великой орды Чингисъ-Хана, ослабившія силу Грузіи и нашедшія сообщниковъ въ лицѣ осетинъ, добровольно подчинившихся имъ, вѣроятно, изъ ненависти къ грузинскому владычеству. Величайшій народный герой Осетіи Оси-Вагатаръ два раза разгромилъ Карталинію при дѣятельной помощи татаръ. Впослѣдствіи грузинамъ удалось возвратить себѣ Южную Осетію, но Сѣверная освободилась отъ нихъ навсегда. Эта побѣда далась народу не легко: край былъ опустошенъ, населеніе частью выселилось изъ него, частью было истреблено, а остальное страшно обнищало.

Въ исходѣ XIV вѣка, въ сосѣдствѣ съ Сѣверной Осетіей, появляются кабардинцы. Между обоими народами вспыхнула кровавая борьба изъ за предгорныхъ пастбищъ, затянувшаяся почти безъ перерыва на цѣлыя столѣтія. Это была чисто народная война: большихъ сраженій почти не было, но мелкіе отряды и даже отдѣльныя лица не пропускали случая нанести другъ другу чувствительный вредъ, нападая то изъ засадъ, то врасплохъ, врываясь въ среду непріятели и безъ пощады

уничтожая все попадавшееся на пути. Осетины постепенно уступали, отодвигаясь въ глубь своихъ горныхъ ущелій.

Тѣсняемые съ сѣвера Кабардою, а съ юга враждебной Грузіей, осетины очутились въ самомъ ужасномъ положеніи. Безплодныя скалы ихъ ущелій не давали почти ничего, привозъ хлѣба съ плоскости былъ невозможенъ, и Осетія постоянно опустошалась голодомъ, дѣтоубійствомъ, вызваннымъ недостаткомъ въ питаніи, моровыми язвами и др. страшными болѣзнями. Распространеніе въ Кабардѣ магометанства и проникновеніе его въ Осетию еще ухудшило положеніе народа: начались уже взаимныя распри, проникшія въ семью, приведшія къ кровомщенію и внутренней борьбѣ. Разобщенный съ внѣшнимъ міромъ народъ, попавъ въ такія тяжелыя условія, страшно обѣднѣлъ, одичалъ и замкнулся въ самомъ себѣ.

Такимъ образомъ, Осетія потеряла свои вольности: плоскостная Дигорія вошла въ составъ удѣла кабардинскихъ князей Кайтукина рода, горная—князей Бекъ-Мурзиныхъ, Тагаурія—князей Таусултановыхъ, Мурадовыхъ и др. Эта зависимость выражалась, напр. въ Дигоріи, тѣмъ, что населеніе платило дань баранами и мѣдными чанами. Къ этому же времени относится и особенное развитіе у осетинъ сословности, нашедшей себѣ поддержку и покровительство въ аристократической Кабардѣ.

Съ водвореніемъ русскихъ на Кавказѣ, Осетія нашла себѣ въ лицѣ великой христіанской Россіи могущественную покровительницу, обезпечившую ей мирное житье и спокойное развитіе.

Г. А. Вертеповъ

